

К пятидесятилетию блаженной кончины протоиерея Владимира Шамонина

Цикл статей

50 лет назад, утром 3 декабря 1967 г. в канун Введения во Храм Пресвятой Богородицы отошёл ко Господу на 86-м году жизни подвижник и молитвенник протоиерей Владимир Александрович Шамонин. Он – настоящая гордость и сокровище Спасо-Парголово́вского прихода. Вот уже полвека о нём не забывают богомольцы двух храмов Шуваловского кладбища и перед его могилой, недавно отреставрированной и обихоженной заботливыми руками прихожан, служатся панихиды.

Этот кроткий и добрый пастырь заслужил признательную память, и мы верим, что он молится за нас пред Престолом Божиим. Жизнь его поучительна и интересна, кроме того, в ходе архивных исследований и в свежих публикациях открываются новые факты, с которыми мы и познакомим вас. Поэтому автор решил не ограничиться одной юбилейной публикацией, но открыть ею целый цикл статей, посвящённых о. Владимиру.

Часть 1.

Почти 17 лет, с 1944 по 1961 год протоиерей Владимир Александрович Шамонин служил в Спасо-Парголово́вском храме, а с 1961, после инфаркта, был «на покое», сослужа духовенству прихода по мере сил, но всё реже и реже. В последние годы так обострились у него заболевания ног, что даже ради краткого пути от дома до храма приходилось вызывать такси, а потом он уже и вовсе не смог присутствовать на богослужениях. Но всё это время алтарницы и служительницы храма, духовные чада, прихожане, горячо любившие батюшку со времён его служения, не забывали его. Он жил в двух шагах от храма, занимая с дочерьми – Зоей и Верой – и матушкой Варварой, скончавшейся в 1961 г., половину небольшого деревянного домика на Партизанской улице Первого Парголова, там, где сейчас возвышаются новостройки последнего десятилетия, и куда приходили самые верные его почитатели.

Прощание прихода со своим пастырем добрым пятьдесят лет назад превратилось в выражение глубокой к нему сердечной любви и благодарности. Вот как описывает эти события его дочь Зоя в своих воспоминаниях, опубликованных в книге «Петербургский Батюшка. Жизнь, служение, творчество протоиерея Владимира Шамонина»:

«После ранней обедни пришли прихожане навестить батюшку. Вскоре известие о кончине отца Владимира дошло до настоятеля, и все услышали с колокольни 12 одиноких печальных ударов колокола. Народ побежал к нам.

Двери я не закрывала. Все быстро входили, на ходу снимая и бросая в прихожей на пол пальто. Я боялась плача, криков, причитаний, суеты. Но никому и в голову не пришло это: все останавливались, поражённые его видом, особенно лица.

Стояли неподвижно, любясь нездешней красотой, и только потом начинали креститься, целовать на нём одежды.

Три священника во главе с настоятелем пришли облачать тело... Жаль было особенно вынимать горящую свечу из крепко державшей её руки. Когда кто-то взял свечу, рука, не выпуская её, потянулась за ней.

Когда батюшку перенесли в столовую, где на двух сдвинутых столах поверх белой скатерти разложили ризу (фелонь), в которую и одели, закончив облачение, солнце, показавшееся из-за тучки, осветило всю фигуру покойного и комнату. Кто-то сказал: «Вот как солнышко встречает батюшку»...

Торопясь (было воскресенье, время между ранней и поздней Литургией),

начали служить панихиду. Так пламенно, ошутимо, искренне звучала для нас эта панихида, как заботливое приветствие — напутствие ему, только что ушедшему от нас в Вечную Жизнь.

Целый день шли люди, подходили к телу, с любовью окружали его, я открывала воздух и показывала всем лицо, с благоговением смотрели, любясь и молясь.

Папа мёртвый, нарядный, светлый, большой, заполнял почти всю комнату (столовую). Целый день возле него были люди. Входя со слезами, они — как только подходили к телу — успокаивались, а когда поднимали воздух — они сразу затихали в восхищении. Читали Евангелие по очереди, кто как мог; многие — хорошо, чётко, а многие по складам (путьясь). Люди молились и кланялись телу, целовали кресты, руки ноги, облачение. А священников так и не было; ни один не пришёл, и приготовленные епитрахиль с кадилом так и провисели на стене около портрета отца Иоанна Кронштадтского. Ни маститых батюшек-товарищей, ни горячих молодых поклонников из духовенства и студентов, ни сослуживцев, ни диаконов, ни чтецов, ни певчих, — никого.

Зазвонили колокола на всенощную — под праздник Введения Божией Матери во храм. Дома готовился вынос, о чём мы, дочери, предупредили заранее: батюшка завещал вынести его тело в храм в день смерти.

Вдруг прибежал отец Григорий из храма, суетливый, взволнованный, даже не поклонился телу, а сразу в передней сказал: «Я по поручению настоятеля — не по своей воле, мне велено сказать, чтобы сегодня не приносили, а завтра утром; и чтобы не несли гроб, а наняли машину. Это он, а не я, это я, а не он говорит!» (запутался). Не дал спросить почему, не дал даже слова сказать, сразу останавливал жестом и звуком: «Чи-чи!» Стал решительно предупреждать: «Духовенство не встретит, все домой ушли. Храм будет закрыт, сторожа нет, на шоссе большое движение».

Станным показалось его поведение. Даже обиды не было, а только удивление и какой-то страх...

И вдруг — отец Николай Ишунин! Робко, несмело заглядывает в дверь; через незастегнутое пальто видна одетая епитрахиль, из-под пальто — ряса, на голове скуфейка. «Можно теперь и мне отслужить панихиду около тела отца Владимира? Кто из духовенства здесь последний?»

Он думал, что у нас очередь из желающих служить панихиды, и нарочно появился, когда все разойдутся. Он-то, отец Николай, такой нужный в этот момент, и отслужил боль-

шую торжественную панихиду, и один сделал вынос!

Был одиннадцатый час вечера.

Первый лёгкий морозец и первый чистый снежок. Тихий светлый вечер. Толпа народа с горящими свечами пела: «Святый Боже». Тело вынесли на белой скатерти. Белый шелковый гроб стоял в саду на специальной подставке, около садового столика под берёзами. Положили батюшку в гроб, надели митру. Открыли ворота. Торжественно было это шествие. Впереди шла Анна Андреевна с большим медным крестом в руках (сначала прятала его под пальто, а потом несла свободно). Вслед за ней домашние наши помощницы в белых платках на головах несли крышку гроба на своих плечах; и, наконец, открытый гроб, который вместе с отцом Николаем несли все по очереди. Никто не встретился на пути, было тихо и безлюдно. Всю дорогу пели «Святый Боже», и свечи в руках горели спокойным пламенем.

Мы по очереди держали свечу, с которой папа умер. Издали видели движение машин по шоссе. Как только процессия подошла — движение замерло — пустота, свобода. И как только перешли шоссе, опять машины заездили взад-вперед, будто невидимый регулировщик управлял этим потоком.

Как только мы приблизились к входу на кладбище, отовсюду выскочили прятавшиеся люди и послушались слова: «Несут, несут! Вот видите — хорошо, что мы не поверили и остались». Из этих людей, встречавших от ворот до храма, образовалась новая толпа, и в ней, будто сами собой, зажгались свечи (приготовленные заранее). Навстречу бросились люди со стороны малого храма (тоже прятавшиеся), зажигая свечи и присоединяясь к нам. Весь народ окружил гроб, все пели «Святый Боже». Сторожа, какие-то растерянные, открыли широко церковные двери, засуетились, постелили ковер, принесли катафалк и покров.

Духовенство, тоже растерянное и даже испуганное, вышло из алтаря, на ходу поправляя на себе облачение; и певчие были — притаились на хорах, но когда служили панихиду — их не было слышно, потому что, заглушая их, пел весь народ, громко и старательно. В этом смятении даже не поставили крест запрестольный в ногах гроба — сбывались папины слова (батюшка предсказал это). Только потом, когда после панихиды народ подходил к гробу, подолгу останавливаясь, молясь, кланяясь, целуя руки и кресты (тут уже не останавливали, не торопили), многие заметили, что не поставлен запрестольный крест, и сказали об этом. Алтарница, смущённая, вынесла крест и поставила.

Народ захотел остаться на ночь, и никто не противоречил этому.

Настоятель немного почитал над гробом Евангелие, все служащие ушли, а прихожане всю ночь читали Евангелие и пели.

На следующий день — праздник Введения во храм Приснодевы Марии; служили две Литургии. Гроб опять хотели куда-то отодвинуть, но опять люди не позволили. И он остался посередине. Храм был полон, и некоторые, не знавшие о печальном событии, удивлялись, что в храм не понасть, уезжали в другие церкви...

И вторую ночь прихожане оставались в храме — читали, пели, молились. Включали утюг, чтобы разгладить смятую за день отделку гроба с обеих сторон, — ведь целыми днями народ так и шёл к гробу; несли детей, вели старых, больных, слепых. Какие-то новые силы помогали людям дни и ночи находиться у тела батюшки в бодром и возвышенном состоянии...»

Из воспоминаний Зои Владимировны Шамониной (1914-1985) видно, как глубоко почитали батюшку, и как опасно относилось к его памяти духовенство в эти суровые годы, когда только-только окончились хрущёвские гонения на церковь. Это опасение объясняется просто — похороны старенького, немощного батюшки превратились в большую публичную демонстрацию веры и любви к настоящему Пастырю, которая могла повлечь за собой неприятности со стороны власти. А ещё — в то время власти особенно нравилось слабое в вере духовенство, совершавшее ошибки и промахи, которые так хорошо было использовать в антирелигиозной пропаганде. О. Владимир Шамонин был из таких священников, на ризе которых невозможно было отыскать ни одного тёмного пятнышка. Он был одновременно стоек в вере и готов к гонениям и притеснениям, и, при этом, тих и кроток. Он без ропота переносил все тяготы жизни, а их было — немало...

(продолжение следует)

Олег Куликов

Кадет Владимир Шамонин,
фото ок. 1900 г.

Родился будущий о. Владимир 16 сентября 1882 г. О месте его рождения сведения противоречивы. Во время войны, в письме своей духовной дочери Вере Константиновне Берхман, по поводу освобождения Орла он пишет, что родился в этом городе, однако, по документам, хранящимся в архиве, местом его рождения является С.-Петербургская губерния. Отец его дворянин Александр Парфенович Шамонин, умерший в 1900 или 1901 году, был полковником 144-го пехотного Каширского полка, участником русско-турецкой войны. Он вышел в отставку в 1897 году (военный был также и дядя будущего священника, подполковник Михаил Парфенович Шамонин, ум. 26.01.1892 г., похоронен на Волковом кладбище). Мать – Ольга Васильевна, урожденная Сокольская (1853-1925), могила которой сохранилась на Комаровском кладбище, была дочерью артиста Императорских театров. Известно о двух братьях и сестре о. Владимира. Старшего брата звали Анатолий, мы к нему ещё вернёмся в цикле наших статей. Сестра – Мария (Маруся), её называли «маленький ангел», она была любимицей не только семьи, но и слуг, умерла в возрасте трёх-четырёх лет, что произвело глубокое потрясение в душе Володи Шамонина. Младший брат, про которого пока ничего не известно (возможно, также умер в детстве) – Александр. По состоянию на 1908 г. Владимир Алек-

Кадетский Корпус
Императора Александра II

Дача в Комарово (Келломяки), принадлежавшая Шамониным (возможно, семье брата о. Владимира). Недавно сгорела. Фото с сайта Terijoki.spb.ru, раздел «Старая Дача»

Протоиерей Владимир Шамонин (16.09.1882 - 3.12.1967)

(Цикл статей к пятидесятилетию блаженной кончины батюшки)

Часть 2

сандрович с матерью жили в Келломяках (ныне – Комарово). Краеведами там идентифицирована ныне разрушенная дача Шамониных, и ещё один участок Шамониным принадлежавший (был второй дом, где жил с семьёй Анатолий Шамонин).

Володе была предуготована военная карьера, так как все мужчины в роду Шамониных шли этим путём. Причём, поначалу он и сам имел желание и интерес стать военным. После обычного домашнего обучения, он был отправлен учиться в «С.-Петербургский кадетский Императора Александра II корпус». Учиться ему нравилось, он гордился своей формой, восторгался преподавателями, долго помнил их и своих одноклассников. «Интересовался больше Законом Божиим, литературой и гимнастикой. Любил подвижные игры и всякие физические упражнения, катание на коньках, плавание и греблю... Своей физической силой дорожил, развивал её каждое лето на даче и в Корпусе к последним классам считался самым сильным».

Там произошла и занимательная история, очень характерная для будущего батюшки. Кадеты Шамонин и Кублиц-

Юнкера Александровцы в гостях у Павловцев
Открытие начала XX века

кий, вдохновлённые Житиями Святых, в первую очередь небесных покровителей Корпуса, в честь которых был освящен храм – Сергия и Германа Валаамских, решили подражать преподобным. Они пытались спать сидя, практиковали ночную молитву, и, наложив на себя строгий пост, отдавали скоромную пищу одноклассникам, между которыми даже возникали споры, чья очередь получать от Кублицкого и Шамонина котлеты, жаркое и пломбир. Директор (генерал-майор Константин Васильевич Рудановский) вызвал родителей Володи и заявил им, что их сын «создал секту» и «здесь не монастырь». В следующий свой приезд домой Володя увидел приглашенного к обеду протоиерея, который в доверительной беседе о Боге, церкви, Священном Писании и Предании, убедил мальчика, что для детей в первую очередь нужно – «лучше учиться, хорошо кушать, а главное – слушаться взрослых».

Павловское Военное училище,
ныне – Военно-Космическая Академия
им. Можайского

В 1900 году, после окончания кадетского корпуса, Владимир Шамонин был зачислен в Павловское Военное училище. Но на втором курсе, в 1901 году будущий батюшка вдруг пишет некий текст с предсказанием «насильственного конца Царя», вдохновлённый примером Чаадаева, чтением писателя Буренина и философа Соловьёва. Известно, отправил он это письмо на имя Государя, или только у него его обнаружили, прочитали и донесли. Непонятно, было ли это некое «вольнудумство», или вид пророчества, духовного озарения, которое, как мы теперь знаем, сбылось, но именно это событие в жизни юнкера

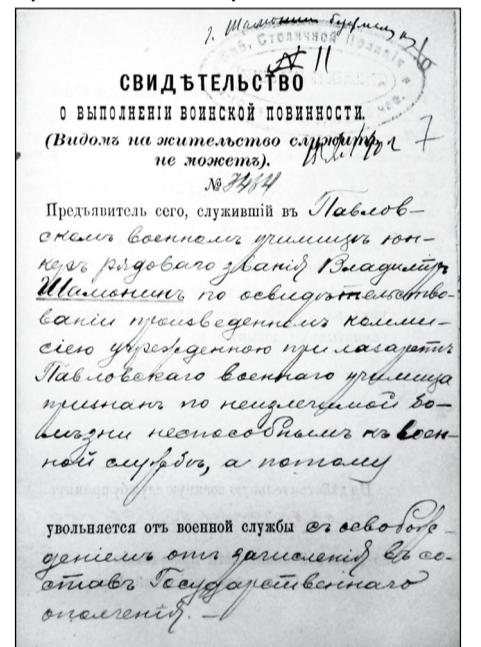
Володи Шамонина поставило крест на его военной карьере. В воспоминаниях о нём проskalзывает и такая мысль, что он предпринял этот поступок специально, чтобы прекратить военную карьеру и начать духовную.

В училище эту историю предпочли замять. Долгое время вообще не было понятно, получит она продолжение, или нет. Занятия в классах, на плацу и в гимнастическом зале шли своим чередом, юноша ожидал с трепетом реакции и от начальника училища генерала Николая Павловича Шатилова, и от патрона – Великого Князя Константина Константиновича, поэта, известного под псевдонимом «К.Р.» (тем более, что в его письме было некое стихотворное приложение – поэтическое переложение былины Буренина. И лишь в Преображение, в день производства всех юнкеров его курса в первое обер-офицерское звание – подпоручика, которое должно было происходить в присутствии Государя, к юнкеру Шамонину подошёл батальонный со странным вопросом: «а не хотите ли покаться, проверить?», его посадили в коляску и в сопровождении фельдшера препроводили в психиатрическое отделение Николаевского Военного Госпиталя, где была собрана комиссия с участием врачей лазарета училища и поставлен диагноз «невроз», причём признано, что это заболевание делает пациента неспособным к военной службе.

Трёхнедельное пребывание среди душевнобольных произвело на юношу неизгладимое впечатление, подвигло на новые размышления о смысле жизни, укрепило веру.

Тут нужно сделать заметку об одном важном таланте будущего священника – поэтическом, который передался и его дочери Вере (1916-1991), а дочь Зоя обладала весьма хорошим прозаическим стилем, что видно по её воспоминаниям. Стихи и автобиографические поэмы о. Владимира, подробно отражающие его жизнь в период от 6-7 лет до времени лагерного заключения на Дальнем Востоке, его воспоминания, записанные дочерью Зоей – важным источником для понимания его жизненного пути, его переживаний, сомнений и подвигов. Дочь же Вера оставила замечательные поэтические биографии духовенства 50-70-х гг. Так что о. Владимир дал своим дочерям замечательное воспитание, передал не только крепкую веру, но и талант, и чувство поэтического вкуса.

В 1902 году Владимир Шамонин поступает в Санкт-Петербургскую Духовную Академию, чему не приходится удивляться, так как и в кадетском корпусе, и в военном училище был виден

Первая страница из «Свидетельства о... воинской повинности» Владимира Шамонина, с записью: «по свидетельствованию, произведенном комиссией, учрежденной при лазарете Павловского военного училища признан по неизлечимой болезни неспособным к военной службе...» ЦГИА СПб Ф. 19. Оп. 115. Д. 2046. Л. 7. (Личное дело свящ. Владимира Шамонина, 1908 г.) публикуется впервые

его интерес к предмету Закона Божия и жажда духовной жизни. Все версии о промежуточном обучении в Университете, о заключении в Петропавловской крепости, о личном общении там с митрополитом Антонием, встречающиеся в биографических статьях об о. Владимире являются легендарными и документального подтверждения не получают, во временные рамки не вписываются, и носят абсолютно нелогичный характер...

В Российской империи было три пути образования – светское: гимназия – университет (или институт), военное: кадетский корпус – военное училище, или духовное: Духовное училище – Семинария – Духовная Академия. «Поворот на полпути» был нехарактерен (хотя и не исключителен, таких случаев немало). И он требовал усиленных занятий. Поступление в Академию предполагало знание курса Семинарии, а Владимир Александрович готовился сам, без репетиторов. Но «экзамены сдал успешно, вызвав у приёмной комиссии похвалу и удивление своей подготовкой».

Олег Куликов

Продолжение следует

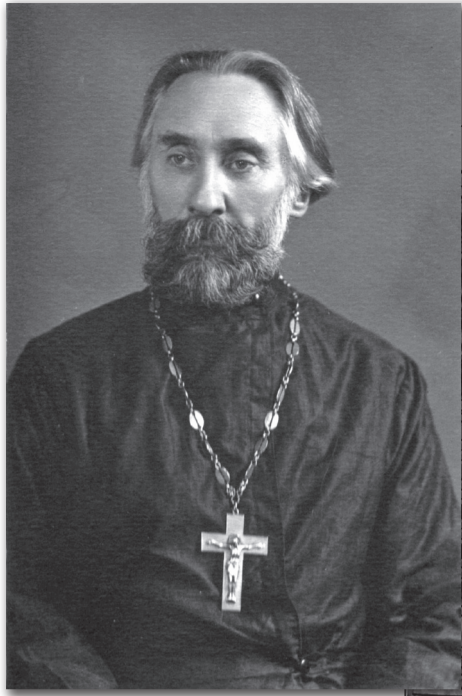

Комаровское кладбище. Могилы Зои Владимировны Шамониной, Ольги Васильевны Шамониной (Сокольской) и Веры Владимировны Шамониной. Фото с сайта Terijoki.spb.ru, раздел «Старая Дача»

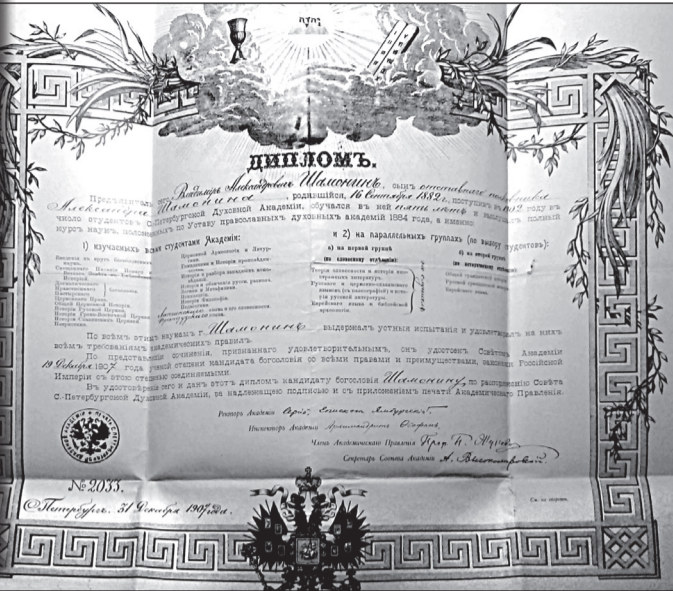
Протоиерей Владимир Шамонин (16.09.1882 - 3.12.1967)

(Жизнеописание с продолжением, начатое в воспоминание 50-летия кончины)

Часть 3

Протоиерей Владимир Шамонин 1945 г., начало служения в Спасо-Парголовской церкви

Диплом Владимира Александровича Шамонина о присвоении степени кандидата богословия (об окончании Духовной Академии) ЦГИА СПб Ф. 19. Оп. 115. Д. 2046. Лл. 3-4. Публикуется впервые

Подробности обучения Владимира Шамонина в Духовной Академии, которое продолжалось по полученным ныне документальным подтверждениям с 1902 по 1907 гг., остаются неизвестными. Возможно, существует их стихотворное изложение, подобное автобиографическим поэмам о детских годах (которая так и называется), об обучении в Кадетском корпусе («Кадетские годы») и в Павловском военном училище («Путь к заветной цели»), циклу стихов о времени служения в Сари, циклу стихов о лагерном заключении («Три года на Дальнем Востоке»), — но стихи об обучении в Духовной Академии (если они и есть) так и остались пока неопубликованными и недоступными.

Известно только, что в 1905 г. студент Академии Шамонин посещает Оптиную пустынь для беседы со старцем. Как и перед другими «академистами» перед ним встаёт важный вопрос о выборе дальнейшего пути. Принятие монашества могло дать возможность позже, имея дворянство и столь высокое духовное образование, стать архиереем, или игуменом монастыря, то есть сделать хорошую «карьеру». Поездка в известный духовный центр России говорит о том, что в будущем о Владимире не было ни карьеризма, ни честолюбия, но была искренняя вера в Бога и желание служить людям. Ведь он мог при своем примерном поведении и рвении к учёбе, при дворянском происхождении легко настоять на постриге. Но он решил этот вопрос духовным путём послушания старцу. (Понятно, что «старчество» никакой официальной роли не играло и брать такое благословение обязательным не считалось).

В это время старцем в Оптиной пустыни был иеросхимонах Иосиф (Литовкин, 1837-1911). Вот как происходила встреча с ним по воспоминаниям самого батюшки, записанным его дочерью Зоей:

Володя с надеждой подошёл к дверям келлии старца, прочитал молитву и, перекрестившись после ответа «Аминь», вошёл. Поклонился старцу и, получив благословение, молча ожидал вопроса: «Что тебе?» Тогда Володя, восторженно глядя на старца, смело и радостно ответил: «Батюшка! Благоговите на монашество!»

Лицо старца стало суровым, даже сердитым, он закричал: «Куда?! Ты с ума сошёл! В монашество! Ишь что выдумал – прятаться в келлию носом, носом!» (показывая образно, как это «носом»), а тебе надо перед народом вот как стоять! (выпрямляется, поднимая руки и вдохновенно глядя вверх). А он – прятаться: ишь какой хитрый! Не хочет ничего понимать...». Потом смягчился и сказал, что надо жениться и принять сан. Володя ответил, что нет подходящей девушки, да и сам он не хочет жениться. Старец настаивал: «Только так. Господь пошлет невесту. Ступай!» И благословил...

Родители матушки Варвары: священник Михаил Васильевич и Елизавета Петровна Ливановы

Матушка Варвара Шамонина Фото начала XX века

Владимир Шамонин окончил Духовную Академию с дипломом кандидата богословия 19 декабря 1907 года (диплом № 2033 от 31 декабря 1907 г.). Диплом был подписан тогдашним ректором, Сергием (Тихомировым, 1871-1945), епископом Ямбургским, будущим преемником на Токийской кафедре свт. Николая Японского; инспектором Академии архимандритом Феофаном (Быстровым); членом академического правления, профессором П. Жуковым; секретарём совета Академии А. Высокотравским. Из диплома следует, что кроме обязательных предметов, общих для всех академистов, два избранных языка были – ла-

тинский и французский (еврейский – обязательный), а из двух направлений (по выбору студентов) – словесности и исторического – о Владимиром был избран исторический.

Неизвестно, когда познакомился, во исполнение благословения старца Иосифа, со своей будущей супругой Владимир Александрович. Был ли он ещё студентом Духовной Академии, или это произошло по её окончании. По некоторым воспоминаниям, в семью невесты, дочери диакона (позже – священника) Благоевской церкви на Васильевском острове, Михаила Васильевича Ливанова, его ввёл сокурсник,

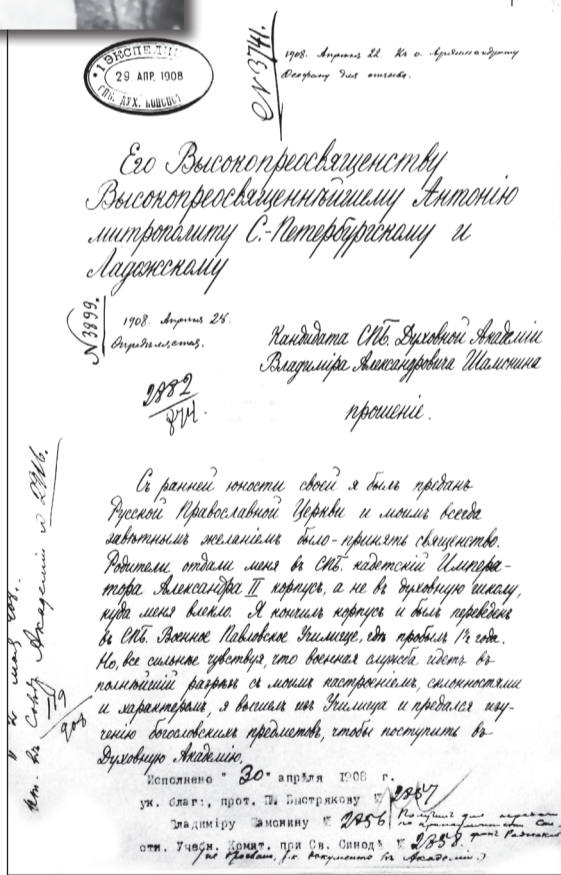
Стефан Родосский (?), так как Владимир Шамонин был выходцем из другого сословия, дворянского, хотя его прапрапрадед по материнской линии, о. Василий Сокольский и был священником Борисоглебского погоста Владимирской округи.

Вопрос о замужестве решался архаичным, традиционным способом. Невеста, Варвара Ливанова, ещё не видела жениха, но ей уже объявили, что она может выйти замуж за выпускника Академии, Владимира Шамонина. По семейному преданию, её вызвали из Царского Села, где она жила на даче, но она ехала на ставство «с твёр-

стырь» посадил девочку к себе на колени, ласкал, называл её «матушкой» и сказал, что у неё будет долгая жизнь и «особенный муж».

Ещё в детстве все замечали красоту диаконской дочурки, а при её тихом, скромном характере, она была обычно любимицей тех приходов, где служил её отец. Когда она немного подросла, то стала петь в хоре. Матушка Варвара и потом отличалась необыкновенной, ослепительной красотой, о чём мы ещё вспомним в цикле наших статей...

После того, как согласие невесты было получено, 8 апреля 1908 г. Владимир Шамонин пишет прошение на имя митрополита С.-Петербургского Антония (Вадковского) с просьбой определить его священником в село Саар (Сари, Саря по разным документам) Новоладожского уезда С.-Петербургской губернии. Автору этих строк неясно, было ли такое прошение только необходимым «ритуалом» после того, как вопрос о месте служения будущего пастыря был уже решён архиереем, или ему, например, предоставляли выбрать место самостоятельно из нескольких возможных вариантов, или претендент ждал освобождения вакансии. Если это так, то сельское направление, возможно, так же явилось следствием того, что о Владимир

Пршение кандидата С.-Петербургской Духовной Академии Владимира Александровича Шамонина Его Высокопреосвященству Высокопреосвященнейшему Антонию, митрополиту Санкт-Петербургскому и Ладожскому. «С ранней юности своей я был предан Русской Православной Церкви и моим всегда заветным желанием было – принять священство. Родители отдали меня в СПб. кадетский Императора Александра II корпус, а не в духовную школу, куда меня влекло. Я кончил корпус и был переведен в СПб. Военное Павловское Училище, где пробыл полтора года. Но, всё сильнее чувствуя, что военная служба идёт в полнейший разрез с моим настроением, склонностями и характером, я вышел из Училища и предался изучению богословских предметов, чтобы поступить в Духовную Академию...». На втором листе документа, который не вошёл в данную публикацию: «Осенью минувшего года я кончил Духовную Академию со степенью кандидата богословия. Теперь, получив право на священство и имея некоторую подготовку для его достойного прохождения, припадаю к стопам Вашего Высокопреосвященства, Милостивейшего отца и архипастыря, с сыновней просьбой – определить меня на священническое место в село Саар Новоладожского уезда. В Шамонин. 1908 года, Апрель 8-го. Адрес: Финляндская жел. дорога, станция Келломяки.» ЦГИА СПб Ф. 19. Оп. 115. Д. 2046. Лл. 1-2. Публикуется впервые

был «не из своих» – не сыном священника, диакона, или дьячка (пономаря). Образование и степень кандидата богословия для выходца из духовной среды гарантировало, как правило, место в столице (крупном городе). Кстати, тут ещё интересно отметить, что вопрос о месте служения всегда решался до рукоположения. Отсюда, в анкетных данных священников в старинных клировых ведомостях и следует формулировка: «рукоположен к... (такому-то) храму». Предыдущий священник в Сари (о. Иоанн Иаковлевич Цветков) умер 28 марта 1908 года.

Олег Куликов
Продолжение следует

Спасо-Парголовский Протоиерей Владимир Шамонин (Жизнеописание с продолжением)

Часть 4

ВЕНЧАНИЕ И РУКОПОЛОЖЕНИЕ

Отец Владимир Шамонин в начале священнического служения (а возможно – и сразу после рукоположения)

Познакомившись со своей невестой и решив вопрос о свадьбе, написав прошение на имя митрополита, Владимир Шамонин вполне мог рассчитывать на священническое место, а значит и вопрос о его рукоположении оказывался решённым.

13 апреля того же, 1908 года на прошении появляется написанная от руки рекомендация от и.о. ректора (на тот момент) и инспектора СПбДА архимандрита Феофана со словами: «по академии я знаю Шамонина как человека верующего, церковно-настроенного и скромного и потому вполне правоспособного для пастырского служения в православной церкви». 22 апреля следует первая резолюция митрополита, а 28-го – окончательная – «определяется».

Автору этих строк неизвестно, имело ли это представление формальное значение, или каждому кандидату в священники сан давалась своя характеристика, которая могла быть и отрицательной, но здесь хотелось бы остановиться на удивительной биографии архимандрита Феофана (Быстрова), как поручителя нашего замечательного пастыря в качестве инспектора ДА, и некоторое время исполняющего обязанности ректора во время его обучения. Нам важна личность этого человека, ведь без его рекомендации рукоположение о. Владимира могло не состояться.

Василий Быстров родился 31 декабря 1872 года в деревне Подмошье С.-Петербургской губернии (ныне – Новгородская обл.), в семье бедного

Архимандрит Феофан (Быстров, р. 1872, ум. 1940 архиепископом на покое)

священника. Он был отдан учиться на казённый кошт за неординарные способности в Александровское Духовное училище, затем учился в С.-Петербургских Духовных семинарии и Академии, везде «по первому разряду». После окончания Академии был оставлен профессорским степендиатом, был близок с известнейшими корифеями богословской науки конца XIX-нач. XX века – В.В. Болотовым (автором и ныне популярного курса лекций по Истории Древней церкви, специалистом мирового уровня по истории христианства, по Эфиопской церкви и абиссинскому языку) и А.П. Лопухиным (автором и редактором Толковой Библии, также популярной в православной среде и по сей день). После пострига с именем Феофан, рукоположения и посвящения во епископа Ямбургского (викария столичной епархии), стал ректором ДА и «неофициальным духовником царской семьи». Лично знал о. Иоанна Кронштадтского, неоднократно служил вместе с ним. Участвовал в возвышении Григория Распутина, а потом стал его непримиримым противником. В 1911 г. именно он, за своим архиерейским богослужением, будучи уже епископом Таврическим и Симферопольским, провозглашал посмертную анафему Льву Толстому. Участвовал в Поместном Соборе 1917-1918 гг., будучи епископом Полтавским и Переяславским, был возведён собором в архиепископский сан. Был чуть не расстрелян петлюровцами за то, что отказался служить панихиду по официально анафематствованному гетману Мазепе. В 1920 г. ушёл в Крым с войсками генерала Деникина, поддержал избрание Петра Врангеля Главнокомандующим Вооружёнными силами Юга России. В эмиграции жил сначала в Константинополе, затем в Сербии, в 1925 г. переехал в Болгарию. До 1931 г. был постоянным членом Зарубежного Синода, после чего переехал во Францию и жил затворником в пещере Трёх Лисиц в местечке Лимре, в долине реки Луары. Умер в 1940 г., похоронили его как простого инока, хотя и в архиерейском облачении...

28 мая 1908 г. «кандидат Санкт-Петербургской Духовной Академии Владимир Шамонин... повенчан первым законным браком с дочерью диакона Санкт-Петербургской Благовещенской, что на Васильевском острове церкви девицы Варварой Михайловой Ливановой 23 лет», как явствует из отметки на Билете на законный брак из СПб Духовной Консистории. Совершал венчание второй, на тот момент, протоиерей храма отец Василий Дурнев (настоятель, о. Иоанн Дёмкин был в то время уже весьма стар, он был настояте-

лем в Благовещенском храме с 1861 г.)

Прочитируем снова воспоминания батюшки, записанные дочерью Зоей незадолго до его кончины:

«Свадьба была торжественная, пышная, со множеством народа, так что даже входили в храм по билетам.

Прихожане удивились неожиданностью свадьбы своей любимицы, которая родилась и выросла у них на глазах и пела в хоре храма. Они говорили: «Жениха мы не знаем, а уж невеста — наша красавица и умница». Когда... <священник> вел венчавшихся вокруг аналоя под пение «Исаия, ликуй», жених услышал из толпы: «Таковую красавицу выдали за такого урод!» (Отец потом часто вспоминал об этом, а матушка наша говорила: «Стоит ли обращать внимание на сумасшедшую генеральшу, о которой все знают, что она не в себе! А всем другим ты нравился».

Матушка Варвара Шамонина в подвенечном платье

На это он отвечал: «Не беспокойся, меня это нисколько не обидело, я думал, что хоть и «урод», а получил себе «красавицу», — ай да молодец!»

Старательно служило духовенство, старательно пел хор, старательно молились прихожане. Стоять, принимая поздравления, новобрачным пришлось потом так долго, что у невесты закружилась голова.

Угощение накрыли в кухмистерской, где хозяин-прихожанин обставил все очень красиво. После свадебного пира молодые поехали последним поездом, ровно в полночь, на дачу родителей невесты...»

Буквально через четыре дня после свадьбы, на Троицу 1908 г. Владимир Шамонин был рукоположен во диакона, а на следующий день (Св. Духа) – 2 июня – во иерея в церкви Святого Духа Александровской Лавры викарным архиеписко-

Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский (с 1898) Антоний (Вадковский, 1846-1912), предположительно рукополагал о. Владимира Шамонина во диакона

Епископ Нарвский (с 1908 по 1914) Никандр (Феноменов, р. 1872, ум. 1933 митрополитом Ташкентским), рукополагал о. Владимира Шамонина во иерея

пом Нарвским Никандром (Феноменовым р. 1872, ум. в 1933 г., митрополитом Ташкентским в ссылке). Под рукоположение о. Владимира подводил лаврский иеродиакон Иннокентий, а исповедовал перед рукоположением – духовник Александровской Лавры иеромонах Флорентий, снабдивший документы записью: «по открытию его содействию при рукоположении во священника не оказалось, по моему и был приведен по моему к присяге».

Так – по официальным документам. Однако, по воспоминаниям батюшки в изложении Зои Шамониной, и, опять же, по стихотворному его творчеству («Поэма Митрополит Антоний Вадковский») рукополагал его сам митрополит Санкт-Петербургский Антоний в Свято-Троицком Соборе. Возможно, это несоответствие объясняется следующим образом. Получается, что если по документам во священника о. Владимир рукополагался в Духов день, назавтра после Троицы, а в диа-

коны он был хиротонисан накануне, то именно диаконское рукоположение он получил за праздничным архиерейским богослужением в соборе, где был Престольный праздник не только храма, но и всей Лавры за которым, скорее всего и служил её священноархи-

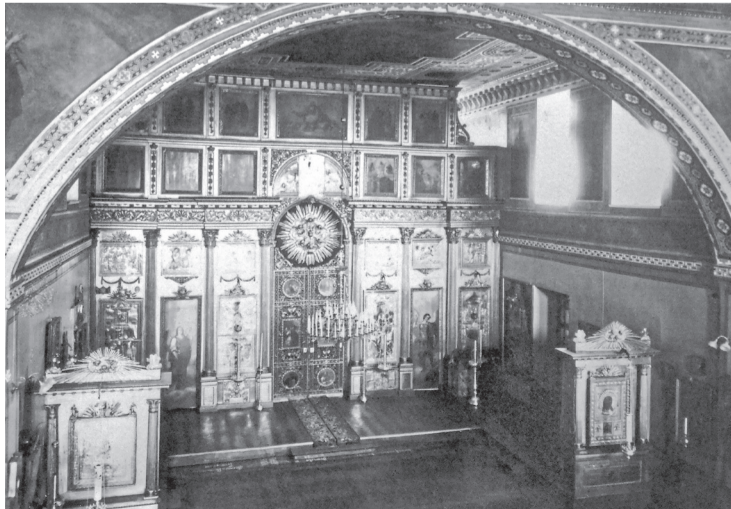
андрит, каковым и тогда являлся правящий архиерей С.-Петербургской митрополии.

Свято-Духовская церковь Лавры (сейчас там находится просветительский центр «Святодуховский»), освящённая впервые в 1822 г., а затем неоднократно перестраивавшаяся, была хотя и не главным её храмом, но одним из замечательнейших. Именно здесь отпевали Достоевского, здесь находилась усыпальница петербургских митрополитов и многие захоронения петербургской знати, в том числе: супруги М.И. Кутузова Е.И. Кутузовой-Смоленской, убитого декабристами С.-Петербургского генерал-губернатора графа М.А. Милорадовича и других (всего более 170 захоронений). Храм был закрыт и разорён в 1936 г.

После рукоположения о. Владимир был благословлён «служить для приобретения навыка в отправлении церковных служб и приходских треб к Благовещенской, что на Васильевском острове церкви С.-Петербурга» – к месту служения своего зятя. Там он служит до 8 июня, после чего заключено, что он «приобрёл достаточный навык к самостоятельному отправлению церковных служб и приходских треб». 9 июня он получает ставленническую грамоту за подписью митрополита Антония № 5316.

Дальше его путь лежал на приход, в Новоладожский уезд. Согласно клировым ведомостям, храм в селе Сари находился в «85 верстах от Духовной консистории, от благочинного в 20 верстах, от уездного города Новая Ладога – в 48 верстах».

О. Куликов
Продолжение следует

Уникальная фотография интерьера церкви Сошествия Св. Духа Александровской Лавры, где рукополагали о. Владимира Шамонина во иерея

Отец Владимир Шамонин в начале священнического служения

Итак, двадцатипятилетний о. Владимир Шамонин был назначен по собственному прошению в Сари Новоладжского уезда (ныне – Кировский район Ленинградской обл.). «На службу поступил», по клировым ведомостям, с 28 апреля 1908 г.

Село, а по своей сути – погост Сари было расположено неподалеку от большой деревни Шум (ст. Войбокало, сейчас электричка доведёт вас туда за два часа). Погосты представляли собой приходскую церковь (на Севере церквей в погостах было, как правило, две – летняя, холодная, и с печами – зимняя), объединявшую в приход несколько лежащих в окрестностях деревень, кладбище и дома духовенства. В древности погосты были административными центрами, где останавливались на время («гостили», «погацивали») князья с дружиной для сбора «уроков» – податей. Здесь же проходили общественные события, например – праздники, торги, ярмарки местного значения. Со времён княгини Ольги Новгородская земля была разделена на погосты, по названию такого типа административных центров. И в более позднее время в тех местах, где не было крепостной зависимости, погосты сохранили свою форму – в Карелии, архангельских, поморских землях.

Ко времени служения о. Владимира погост Сари назывался «селом», но состоял из храма, трех домов для духовных лиц: священника, псаломщика и просфорни, построенных в 1890 г., тут же находилось здание Министерского одноклассного училища (школы). Рядом было кладбище. То есть сохранялась архаичная форма, говорящая о том, что земля эта освоена ещё во времена Древней Руси (её «первая столица» – Старая Ладога – Альдейгьоборг находится совсем неподалёку). Хотя две ближайших деревни – Шум и Овдокала находились рядом с храмом, всего в одной версте (чуть больше километра). Кроме

Окрестности Погоста Саря на Военно-Топографической карте 1855 г. Обозначены мызы (помещичьи усадьбы) вокруг храма

Спасо-Парголовский протоиерей Владимир Шамонин (Материалы к жизнеописанию. Публикация с продолжением)

Часть 5

СЛУЖЕНИЕ В САРИ - 1

того, вокруг Сари ближе чем в одной версте, стояло как минимум пять мыз – помещичьих усадеб («Покой», «Утешение», Паньково, Ускино и Мухино), некоторые с красивыми садами, хотя ко времени служения о. Владимира обитаемы были одна-две, в остальных землевладельцы бывали наездами. Владели ими в разное время помещики Кузьмины, Казнаковы (до Казнаковых – Куломзины), Савицкие, Стенбок-Ферморы, князья Мышецкие, Рахмановы и другие. Трагические судьбы князя Мышецкого, «зверя», убитого собственными крестьянами за жестокость и семейства Казнаковых с их «ужасными страдальческими венцами» отражены в стихотворной элегии-размышлении о. Владимира «На кладбище». Замечательно, колоритно и ярко, устами крестьянки увековечена в стихотворении «Монолог старушки-прихожанки» одна из последних обитательниц усадьбы Казнаковых «Покой» благочестивая, совмещающая властную покровительственность и ласковость к крестьянам «барыня большая Анна Алексеевна».

Когда здесь появился первый храм – неизвестно. Первые документальные свидетельства о храме приходятся на 1718 г. Тот храм был деревянным, с главным престолом в честь Покрова Пресвятой Богородицы и боковым – Никольским, но он сгорел в конце XVIII в. На его месте тшанием помещика – бригадира Ефима Воиновича Гурьева (1720-1808), отцу которого имение было пожаловано ещё Иваном V и Петром I, в 1794-1798 гг. была построена по проекту архитектора В.Е. Моргана каменная Покровская церковь с боковыми приделами Святителей Николая и Димитрия Ростовского, упразднёнными при перестройке 1876 г. (архитектор А.Т. Жуковский). Такой церковь и застал о. Владимир Шамонин. Закрыта она была в 1936 г., переоборудована под клуб, разрушена во время войны. Не сохранилось даже её изображений...

В одном из своих стихотворений времени сельского служения (этот цикл стихов он назвал «На погосте и в деревне») о. Владимир Шамонин пишет: «в моем приходе есть село, тринадцать деревень». И действительно, кроме Сари именно 13 деревень входили в его большой приход: Шум, Пельгала, Феликсово, Пиргола, Концы, Бобаново, Речка, Канзы, Опсала, Овдокала, Тобино, Падрилла и Сибала. Они были разбросаны вокруг Сари на расстоянии от 1 до 6 вёрст, в девяти из них (кроме Феликсово, Речки, Опсалы и Овдокалы) были часовни, где тоже иногда приходилось совершать богослужения. Некогда, в допетровские времена, это был старообрядческий край и крестьяне «служили» сами в своих часовнях. Позже часовни были «освоены» Синодальной церковью, когда большинство крестьян «вернулось из раскола» (непримиримые скрылись дальше на север). Всего в приходе было 398 домохо-

Карта Петроградской губернии издания Губернского земства за 1916 год (фрагмент: Шумская волость Новоладжского уезда).

Здесь обозначены все деревни и некоторые поместья Сарского прихода

зяйств и числилось более 2 тыс. прихожан. Самыми большими деревнями были близкая Шум (54 дома) и отдалённая Тобино (58 домов). Самыми маленькими – Опсала и Канзы (17 и 16 домохозяйств).

Священнический дом был настолько велик, что матушка поначалу боялась оставаться там одна. Кроме шести комнат с огромными окнами, в доме были громадная передняя, кухня и веранда. Когда в этом месте уже в наше время начали возрождать приход, священнический дом стал местом первых богослужений, потом случился пожар и в 1997 году он сгорел.

Навести семейный уют в доме помогал отец матушки Варвары, приехавший, чтобы помочь обустроиться. Позже дом постепенно наполнился – «постоянно были люди, которые навещали, или гостили, одолевали просьбами, болезнями, делами...», а поначалу батюшка с матушкой бывало «резвились» там – «устраивали беготню по всему дому, играя одновременно в прятки, и в ятншишки», как вспоминая, рассказывал дочери о. Владимир.

Как свидетельствуют клировые ведомости, «от Духовной Консисории до храма было 80 верст». До о. Владимира здесь служил на протяжении более, чем 30 лет (с 1875 г.) о. Иоанн Иаковлевич Цветков, «человек добрый, но пьяница, а потому в храме не соблюдалось никакого порядка – даже хора не оказалось». О. Иоанн умер 28 марта 1908 г.

Новые батюшка с матушкой были настроены жить «больше чужими интересами, чем своими, и, конечно, жизнью церкви; оба они понравились местным жителям, когда, приехав, стали обходить учреждения и общественные места: побывали в больнице, в школе, в мастерских, в усадьбах помещиков, в крестьянских домах, в соседних приходах», поэтому они сразу же начали налаживать несколько разболтанную до них приходскую жизнь. «Появился хор под управлением нового регента, здесь пели и совсем молодые, и очень старые. Господа и крестьяне стали чаще говеть. Прекратились драки крестьян... выходящих друг против друга, деревья на деревню, вооружённых колыями, вилами, граблями, лопатами, камнями. Мужчины начали помогать в работах по храму, женщины – вышивать пелены на иконы. Господа жертвовали украшения, лампы, утварь. В храме старались вести себя чинно, разговоры прекратились, – словом, церковное благочиние постепенно водворялось. Проповеди молодого священника нравились большинству прихожан, так как они были понятны, и близки каждому прихожанину... А когда деревенские жители полюбили священника, то начали обращаться к нему за советом, разъяснением чего-либо непонятного, а то и за утешением, с просьбой помолиться. Матушку, которую при первой встрече называли «барышней», вскоре стали уважительно величать «матерью».

О. Куликов

Продолжение следует

Нынешний приходской Покровский храм в деревне Шум (построен на новом месте). Его настоятель

протоиерей Алексей Луковский глубоко чтит память о. Владимира Шамонина

о. Владимир Шамонин
МОЙ ПРИХОД
(из цикла «На погосте и в деревне»)

В моем приходе есть село,
Тринадцать деревень;
Воды здесь много утекло,
Шесть лет прошли, как день...

Люблю крестьян я простецов!
Их жизнь понятна мне,
Как свежий сон без смутных снов,
Как песня по весне.

Люблю их верный чистый труд
У Матери-Земли.
Дубками дети их растут,
А деды прилегли,

Молясь, к груди земли сырой:
Лежат святым зерном
И ждут: пшеницей золотой
Восстанут со Христом!

Я в круглый мерный Божий год
На каждого взгляну:
Везде свершу и крестный ход,
И мертвых помяну.

Ужель деревня — темнота
И скучный жалкий сон?!
Деревня чтит сперва Христа,
Потом — Земле поклон.

Зови к ней друга и врага —
Цели и просвещай.
Но помни: вера — горяча,
И без Христа — не Рай!

Люблю я крепко мудрецов —
Смиранных прихожан:
От целомудренных отцов
Талант им верный дан!

В заботах дня, в тиши ночей
Вздохну невольно я:
Храни, Господь, Твоих детей!
Да любит их Земля!

Отец Владимир Шамонин в начале священнического служения

О жизни о. Владимира Шамонина известно достаточно много. В первую очередь, благодаря разнообразию и количеству источников. Есть его собственные яркие воспоминания, небезостановочно и трепетно записанные дочерью Зоей Владимировной Шамониной (1914-1985). (Будучи врачом по специальности, большую часть своей жизни она посвятила отцу и матери, как и сестра Вера). Они вышли отдельной книгой уже двумя изданиями. Там же опубликованы и несколько писем и краткие поучения батюшки. Есть официальные документы, обнаруженные в архиве. Живы ещё свидетели и очевидцы пастырского служения батюшки.

Но самым ценным и важным источником нужно назвать автобиографические стихи о. Владимира... Личность есть величайшая загадка и тайна. Проникнуть в тайну чужой личности очень сложно, чаще всего – просто невозможно (иногда же усилия не стоят результата). Но наиболее отчетливо личность раскрывается в творчестве. Творчество – это желание «делиться собой». Творческая личность по собственной воле раскрывает себя, свои переживания и ощущения, делится ими с другими. Поэзия (если это настоящая поэзия, а не графоманство) – как одна из форм творчества – это всегда «слепок» души автора, его самое сокровенное, то, что необходимо поведать другим, то, что «переливается чрез край себя».

В автобиографической поэзии эмоции, «я» автора проявляются с двойной силой. Мы вступаем с повествователем, с поэтом в глубоко-личное, хотя и одностороннее общение. Но мы видим не только размышления автора. Мы видим события его жизни его глазами. Нам передаются его впечатления от этих событий, мы видим то, как менялась его душа, соприкасаясь с ними. Именно поэтому каждый, кто интересуется биографией о. Владимира, его жизнью, не должен и не может пройти мимо его стихов, это безмерно восполняет соприкосновение с его личностью, а такая возможность – столь «плотное» соприкосновение с личностью святого – представляется нечасто. Факты из жизни – это только факты, это – внешнее, а здесь мы видим, чувствуем, ощущаем, узнаём человека в его переживаниях, его характере, в его тонких особенностях, даже «говоре» и привычных ему интонациях, нашедших своё отражение в стихах.

Здесь ещё важно, что вступление в это «тесное общение» имеет глубокий смысл. Потому что – автор этих строк бесспорно в это верит – мы встречаемся с праведностью. Мы близко узнаём

Спасо-Парголовский протоиерей Владимир Шамонин (Материалы к жизнеописанию. Публикация с продолжением)

Часть 7 **ВОЗВРАЩАЯСЬ К НАПЕЧАТАННОМУ. ПОЭЗИЯ ОТЦА ВЛАДИМИРА. ЕГО РОД**

Вот уже более полугода мы публикуем в «Спасо-Парголовском листке» биографию протоиерея Владимира Шамонина, похороненного на Шуваловском кладбище. Наш храм был последним местом его священнического служения. Сначала предполагалась одна-единственная статья, приуроченная к 50-летию кончины батюшки и вечер его памяти в районной детской библиотеке. Статья получилась слишком большая, её пришлось раздробить. Вечер состоялся, затем он прошёл и в Воскресной школе Спасо-Парголовского храма. (Видеозапись доступна на сайте храма и в группе храма ВКонтакте). Именно в связи с подготовкой к вечеру памяти в Центральном Городском Историческом архиве Санкт-Петербурга начался новый поиск информации об о. Владимире. В результате, его биография пополнилась новыми сведениями, к ней удалось «подшить» важные официальные документы, которыми до сего дня почему-то никто не интересовался. Возникло желание опубликовать эту новую информацию, донести её до прихожан храма, где служил один из самых известных в своё время городских подвижников. Поэтому так разросся цикл этих статей. Теперь этот цикл «пытается перешагнуть» перспективностью. Мы иногда будем прерывать хронологию повествования и дополнять её размышлениями над биографическими стихами батюшки под вывеской «возвращаясь к напечатанному»

человека, сохранившего в условиях тяжёлого интеллектуального, тоталитарного, физического даже (в заключении), прессинга свою попираемую и поносимую веру. Но он смог её не только сохранить, утаив в глубинах души, скрыв от глумления, но даже и наоборот – в этих условиях нести её свет людям, открыто исповедовать и защищать – не словами, а делами и образом жизни своей.

Так что любой, кто следит за этой публикацией, кто заинтересовался личностью о. Владимира, кто хочет не просто знать о нём, но попытаться «понять» его – не может пройти мимо его поэзии. Тут ещё важно заметить, что стихи его не натужно-критические, поучительные, морализаторские. Нет в них лицемерия, святошества, а с другой стороны – часто характерного для поэзии Серебряного века жеманства и деланной утончённости. Но они не лишены иронии. Ирония у о. Владимира – это всегда, в первую очередь, тонкая ирония по отношению к себе. Стихи батюшки «простоваты» и искренни. Они – документальны. Их поучительность заключается в том, что написаны они подвижником и, применим архаичный термин – «образцом благочестия», в прямом смысле этого слова. Но не для того, чтобы поучать, а чтобы запечатлеть то, что дорого ему самому. Ценно то, что автор не относится к своим стихам как к высокому творчеству...

Отец Владимир Шамонин *благочестив* тем, что смог сохранить стойкость в вере, что он никого не предал и не сдал на допросах, что он никого не осуждал в условиях гнетущей действительности всеобщего доноительства и предательства, что он не только сохранил себя в лагерных условиях, но и укреплял надежду в окружающих. То есть он «сохранил свою честь во благе» и «во благо» – себе и окружающим». И его стихи, и живо воспроизведённые воспоминания, записанные дочерью Зоей, помогают понять как он «стал таким», как события его детства, отроческой, юношеской жизни сформировали его личность, его силу духа, его святость...

Удивительно интересны и «родовые», «генеалогические» особенности поэтического и вообще творческого начала в личности о. Владимира. Оно ярко проявилось по линии его матери, Ольги Васильевны, урожденной Сокольской (1853-1925). Сама она, по поэтическому выражению о. Владимира: «Как художник, идеально / Украшала жизни фон. / При таланте музыкальном / Сердце мамы – камертон». Её отец, Василий Герасимович Сокольский, был, выражаясь современным языком, артистом императорского балета. Замечательную характеристику его личности, мы также найдём в стихах о. Владимира: «Мамин папа – тонкий, гибкий, / С легкостью крылатых ног, / С чутким сердцем, точно скрипка, / Был балетный педагог. // Императорским балетом / Он прославлен как артист, / Но разврата в мире этом / Не коснулся, серд-

цем – чист». Балет – это, как известно, поэзия движения, а поэзия – в числе всего остального – и «танец слова». Но, что ещё удивительней, прадед о. Владимира Шамонина по материнской линии – Герасим Васильевич Сокольский (1793-1819), очень рано умерший от чахотки, даже не смотря на свою краткую жизнь, также сохранил о себе память как о поэте (печатался в нескольких журналах). Но он был не просто поэтом, он пытался понять саму суть поэзии. В небольшую библиографию трудов Сокольского входят: учебник для «начинающих упражняться в поэзии детей» «Правила стихотворства, почерпнутые из теории Ешенбурга» (1816 г.); статья «Нечто о цели поэзии» (1819); опубликованная в виде статьи «Речь о пользе правил словесности» (1816), произнесённая при вступлении в Общество Любителей Русской Словесности при Московском Университете.

И вот перед нами предстаёт поразительный факт передачи по наследству поэтического дара. От прадеда к правнуку, и к дочери этого правнука. Известны замечательные биографические, очень ценные именно этим, стихи Веры Владимировны Шамониной (1916-1991) о жизни и «характерах» ленинградского духовенства 1960-х – 70-х гг. и её замечательные стихи на православные праздники, ходившие в списках среди «церковных бабушек» на излёте эпохи советского богоборчества...

О. Владимир Шамонин не только не порицал и не стыдился творческого начала своих предков. Искусство танца (как мы уже видели) и поэтическая «магия слова» не представлялись ему чем-то предосудительным. О Герасиме Сокольском он пишет: «А прапрадед в высшей мере / Был эстетик и поэт, / Он, молясь в глубокой вере, / Видел рая чудный свет». Творческое начало материнской линии о. Владимира гармонично исходило из духовного: отцом Герасима Сокольского (прапрадедом по матери нашего батюшки) был провинциальный сельский священник Борисоглебского погоста округа г. Владимира о. Василий Сокольский. И Герасим Сокольский не «вырвался» из этой «среды», скорее он воспринимал некую необходимость, о которой нам подробно ничего не известно, заставившую его уехать из родного погоста, как отрыв от дорогого отчего дома. Лучшие его стихи, как отмечают литературоведы, проникнуты тоской по родине и скорбью о жизни на чужбине...

Но личность о. Владимира не была гипертрофированно творчески-утончённой. Она сформировалась двумя сильными, диалектическими началами. По материнской линии – творческим, восходящим к духовному – воздушным, чутким к незримому. По отцовской линии (ещё и потому, что верность этой «линии» побудила отдать Володю на военную учёбу) Владимир Шамонин унаследовал твёрдость духа, умение

выстоять перед испытаниями, готовность переносить их до самого конца и упорство в достижении цели, не говоря о физической выносливости и силе. Парадоксально, что именно упорство в достижении цели помогло Владимиру Шамонину оставить военную карьеру весьма «хитрым» способом (исходя из воспоминаний, записанных в конце его жизни), о чём мы рассказывали во второй части нашего цикла.

Отец Владимира Шамонина был военным, полковником в отставке. Он «В помощь родственным болгарам / Добровольно вышел в бой / И в бою турецком яром / Отличился как герой. // Богатырь не только видом / И герой не на словах, / После боя инвалидом / Он вернулся в орденах.», обладал несколько суровым характером: «Папа. Резкий, грубоватый, / С нами был порой неправ. / Мама нежно, как бы ватой, / Умягчала папин нрав.». Сейчас уже известно, что именно дед о. Владимира, Парфен Шамонин, дослужившись из «нижнего звания» до штабс-капитанства, получил потомственное дворянство за воинские заслуги. Поскольку это произошло после рождения сына – пришлось подтверждать дворянское достоинство для Александра Шамонина – отца нашего батюшки – отдельно. (Выяснение подробностей этой истории – дело ближайшего будущего). Поэтому – дворянская утончённость, благородство, которое так бросалось в глаза (по контрасту) окружающим в батюшке уже в советское время – появилось в роду Шамониных, в наибольшей степени, начиная, наверное, именно, с него. Отца его окружающие «собратья по сословию», считали «простоватым». «А в столице смотрят косо, / Что полковник отставной / На верх конки с папиром, / Как рабочий сел простой. // Что открыто, без опаски, / Несмотря на знатный род, / Он, христосуюсь на Пасхе, / Обнимал простотой народ». Впрочем, и мы это увидим дальше, в следующих выпусках наших размышлений над поэзией батюшки, при всём благородстве натуры о. Владимира Шамонина, и его родственники часто поругивали, что он ещё юношей, слишком «запанибратски» общался с представителями, с их точки зрения, низшего сословия, а позже наш подвижник и вовсе пренебрег дворянством, «опустившись» до принятия священства, что, несмотря на исключения, всегда считалось у дворян «несколько моветоном»...

Таким образом, круг замыкается, и мы видим в предках отца Владимира то, что сложилось в замечательное гармоничное единство двух начал в его характере – духовного с одной стороны: блага, блаженства, гармонии, возвышенности, к которым так стремится творчество, и благородства и силы духа, хранения чести – даже перед лицом жизненной опасности – так, как это понималось в самых идеалистических представлениях русского дореволюционного офицерства и дворянства вообще, с другой стороны, а вместе это складывалось (поиграем в филологические игры) в «благо-честие».

И о. Владимир очень хорошо сам анализировал и понимал эти «две стороны характера» свой личности, встретившись в нём. Главку «Родители» своей автобиографической поэмы о детстве он завершает словами: «Для народа нет кумира: / Одинаково нужны / И искусство в годы мира, / И защита в дни войны.»....

О. Куликов

Продолжение следует

Отец Владимир Шамонин с дочерьми.
Конец 20-х – начало 30-х годов

23 февраля 1914 года о. Владимир официально переводится к подворью Феодоровского мужского монастыря Нижегородской епархии. Незадолго до этого, 15 января 1914 года был торжественно освящен главный придел большого собора, построенного в память 300-летия царствования Дома Романовых в честь Феодоровской иконы Божией Матери. (Первый камень в основание Собора при подворье был заложен 5 августа 1911 г.). На этом освящении присутствовал Государь с дочерьми – Великими Княжнами, члены Императорской фамилии, потомки тех, кто подписал грамоту об избрании Михаила Феодоровича на царство (что и стало началом царствования Романовых), и многие другие высокопоставленные богомольцы.

Вероятно, о. Владимира перевели сюда именно ради этого величественного собора, построенного по проекту архитектора С.С. Кричинского в стиле ростовских храмов XVII века. Предыдущая подворская церковь (Феодоровской иконы и свт. Алексия) была мала (вмещала всего 300 человек) и имела, видимо, местное значение. Новый собор становился весьма заметен в городе и, наряду с монашествующими священнослужителями, которые традиционно не могли, например, совершать венчаний, должен был, видимо, иметь и представителя белого духовенства. В любом случае, это было почетное назначение.

На момент назначения о. Владимира при храме, в подворье жило 15-18 сельников, из них семь – были священниками: настоятель соборного храма архимандрит Алексей, 57-ми лет, кавалер ордена князя Владимира IV степени, принявший постриг в 1887 г., и шесть иеромонахов: 38-летний казначей иеромонах Смарагд, 42-летний ризничий иеромонах Писий, 48-летний иеромонах Виталий, 34-летний иеромонах Ювеналий, заведовавший свечной торговлей, 50-летний иеромонах Амвросий, 33-летний иеромонах Досифей. Также на подворье жили три иеродиакона, остальные – певчие, по-

Спасо-Парголовский протоиерей Владимир Шамонин (Материалы к жизнеописанию)

Часть 8 СЛУЖЕНИЕ В ФЕОДОРОВСКОМ СОБОРЕ

номарь, звонарь и ответственный за часовню – послушники.

Приняв назначение в собор, о. Владимир получил большую квартиру на Старо-Невском проспекте вблизи Александро-Невской Лавры.

О службе в соборе о. Владимира Шамонина до российских потрясений 1917 г. не известно практически ничего. Может быть, за исключением одной небольшой, но важной черточки. Вблизи собора находилась (да и сейчас находится) до сих пор крупнейшая в России клиническая инфекционная «Александровская городская барачная больница», ныне носящая имя своего первого куратора – известного на весь мир талантливого врача-исследователя С.П. Боткина. Духовно окормляли больницу сельники подворья. О. Владимир мог бы обойти эту обязанность, что ему советовал настоятель, ведь у него были семья, дети, а у всех остальных – лишь монашеские обеты. Но о. Владимир не отказался от этого послушания и исповедовал, приобщал и соборовал тяжелобольных заразных пациентов «Боткинских барачков» наряду с черным духовенством подворья. Он завёл дома арсенал дезинфицирующих, по представлению науки того времени, средств, но в целом, наверное, полагался на волю Божию.

После 1917 г. (к 1919-му году) подворье монастыря было упразднено, но это на тот момент стало лишь формальностью: храм стал официально приходским, хотя при нём, по прежнему, жили служащие здесь иеромонахи, иеродиакон и послушники. Новая власть внедряла представление о том, что священнослужители являются лишь обслуживающим культовые потребности граждан персоналом. После этого антирелигиозная пропаганда должна была стать инструментом уничтожения церкви как – если не будет верующих, то и храмы не нужны, а сами «служители культа» как, с точки зрения новой власти, выгодополучатели – не в счёт. «Нет заказчиков – нет и услуги». Хотя в первые годы было пока не до антирелигиозной пропаганды, или притеснений верующих. Храм, как мы увидим далее, жил вплоть до начала 20-х гг. весьма активной жизнью.

К весне-лету 1919 года относится весьма интересное архивное дело из фонда Феодоровского собора Центрального городского исторического архива Санкт-Петербурга с заявлениями верующих о принятии их в члены прихода, ярко иллюстрирующее вышеупомянутое представление власти. Из этого дела понятно, что каждый, кто хотел бы быть членом общины

прихода, кто хотел бы причащаться и молиться в храме, должен был, по требованию власти, подать в приходской совет заявление на специально отпечатанном типографском бланке. В этом заявлении нужно было, кроме обычной информации указать своё социальное положение (бывш. крестьянин, рабочий, служащий, бывший дворянин и т.п.), место работы, перечислить членов семьи и указать размер ежегодного добровольного взноса в церковную кассу. В этом объёмном деле – более 300 заявлений и интересных они тем, что дают реальный срез прихожан первого «послереволюционного» периода по социальным группам. Они написаны реальными людьми, какие-то печатными буквами с грамматическими ошибками, какие-то идеальным каллиграфическим почерком. Наверное, такая практика просуществовала очень недолгое время, так как в исторических исследованиях автор не встречал о ней упоминаний. Но каждое из заявлений – это как кирпичик здания храма, ведь от такой публичной декларации человеком членства в общине зависело её существование...

На 1920 г. настоятелем Феодоровского собора был архимандрит Досифей (в миру Гавриил Григорьевич Стефанов, 1883-1937), а всего при храме служило семь священников: архимандрит (настоятель), игумен, четыре иеромонаха и только один – «семейный» священник – о. Владимир.

Батюшка был в очень хороших отношениях со своими монашествующими сослуживцами. По воспоминаниям Зои Владимировны Шамониной «*настоятель подворья архимандрит Досифей любил и ценил отца, бывая у нас дома, играл с нами, детьми. Младшая, Верочка, называла его «батюшка-куколка» (архимандрит был небольшого роста, худенький и подвижный, с точеными чертами нежного лица и кольцевидными локонами по плечам, которые, хотя были сплетены, связаны и спрятаны, всё же прямо вырывались наружу, как бы играя, по его плечам)*». Разумеется, такие детские воспоминания не могли бы остаться о человеке надменном, чопорном, угрюмом и чрезмерно «начальственным», наоборот они свидетельствуют об обратном – доброте, взаимопонимании между душами инока и ребёнка, чуждости малейшего показушного «святошества».

Поэтому коснёмся судьбы о. Стефана, ровесника о. Владимира и друга его семьи. Вот что о нём известно. Уроженец деревни Ходяшево, что в Казанской губернии, Лаишевском уезде, Пановской волости, он в 1908 году принимает монашеский постриг (информации о месте его обучения и вообще образовании автору этих строк обнаружить не удалось), с марта 1913 года проживал при Феодоровском соборе, хотя (?) до 1917 года служил в придворной церкви Царского Села иеромонахом. С 1917 по 1919 г., получив сан архимандрита, служил в Александро-Невской Лавре, с 1919 по 1924 г. – настоятель Феодоровского собора. В 1924 году был арестован по делу о Спасском братстве, и осуждён на 2 года, но отпущен «по состоянию здоровья» через три месяца. С 1926 года по формулировке официальных церковных документов «уклонился в обновленческий раскол». (Когда в нашем повествовании мы доберёмся до этого времени в судьбе о. Владимира Шамонина, нам станет понятно очень многое). В 1927 году в обновленчестве принял сан епископа. Был епископом Козловским (1927-1928), Тихвинским (1928-1929), Гомельским (1929), Могилёвским (1932-1933). В 1933 году при-

нёс покаяние и был принят в общине с Московской патриархией в сане архимандрита, почти сразу же арестован, приговорён к 8 годам ИТЛ, с заменой на пятилетнюю ссылку в Северный край, Харовский район (ныне – Вологодская обл.). В ссылке арестован в мае 1937 года, по приговору «шпион польской разведки» тройки УНКВД по Северной обл., расстрелян 31 августа 1937 года...

К сожалению, о служении в Феодоровском соборе о. Владимира осталось очень мало документальных свидетельств. Вышеупомянутый архивный фонд содержит преимущественно дела хозяйственного, или финансово-го характера, больше половины дел относится к периоду, когда о. Владимир в Феодоровском соборе уже не служил (то есть после 1922 г.). Переказав практически все дела, и отчаявшись найти что-либо, автор этих строк уже решил прекратить всякие новые попытки и ограничиться двумя вышеприведёнными эпизодами из воспоминаний самого Парголовского старца, записанных его дочерью. Но неожиданно в самом последнем из записанных дел за 1920 г, с весьма про-

заическим заголовком, долгожданные следы деятельности о. Владимира Шамонина на приходе выявились, и очень ярко. А именно – в виде документов, написанных его рукой.

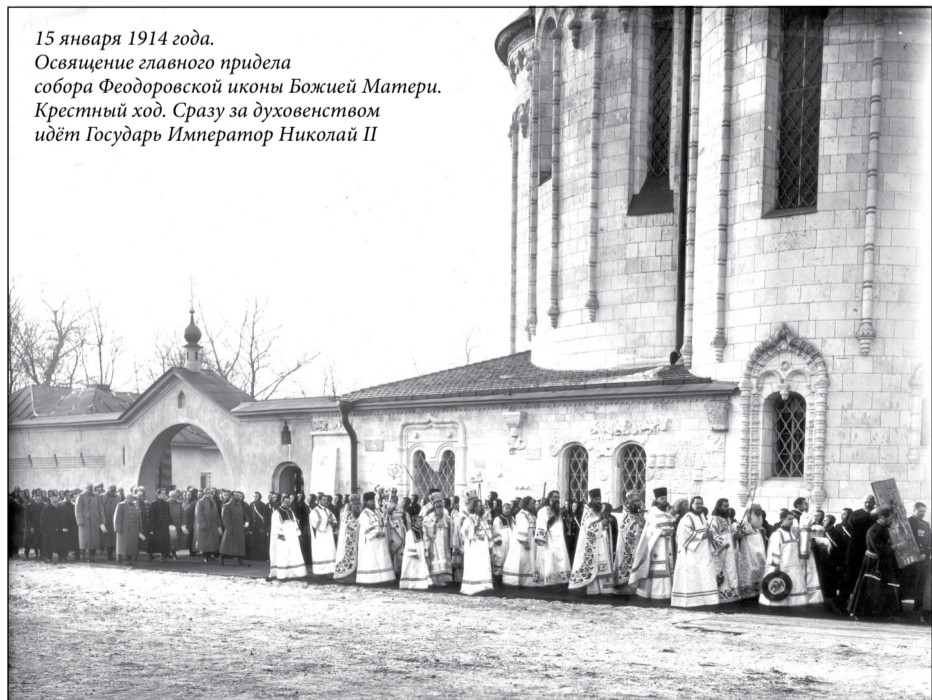
В эту эпоху раннего советского бюрократизма, торжественных заседаний по любому малейшему поводу под красными транспарантами с лозунгами, церкви обязали также проводить регулярные «общеприходские собрания», протоколы которых проверялись «советской» властью. Поскольку, как мы уже отметили выше, священнослужители были низведены до роли «обслуживающего персонала» место председателя собраний должен был занимать председатель приходского совета. В 1920 г. им был Иван Иванович Луговой, а о. Владимира Шамонина назначили неизменно «секретарём собрания», поэтому в протоколах узнаётся его характерный почерк.

Но самое настоящее сокровище открылось в конце дела. Это – отчёт об общей деятельности храма с весны 1920 г. по весну 1921 г., с перечислением важнейших событий. Мы приведём этот документ полностью в следующем номере газеты. Во-первых, он имеет ценность, как написанный рукой о. Владимира, с характерными для него оборотами и формой изложения, во-вторых, он важен для понимания атмосферы эпохи, ставшей частью жизни замечательного человека, о котором мы рассказываем, ну и в-третьих, наши заметки давно уже вышли из сферы только жизнеописания о. Владимира, и этот документ будет интересен нынешним прихожанам собора, и людям интересующимся не только батюшкой, но и историей церкви и города.

Олег Куликов

Продолжение следует

15 января 1914 года.
Освящение главного придела
собора Феодоровской иконы Божией Матери.
Крестный ход. Сразу за духовенством
идёт Государь Император Николай II

Спасо-Парголово́вский протоиерей Владимир Шамонин

(Материалы к жизнеописанию)

Часть 9 «ОТЧЕТ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИХОДА ФЕОДОРОВСКОГО СОБОРА». 1920-1921 гг.

В этом номере газеты в нашем цикле об о. Владимире Шамонине мы публикуем интересный документ начала 20-х годов прошлого века, написанный его рукой. В предыдущем номере было объяснено, почему эта публикация уместна и обоснованна. Самое важное, что на стиле документа отразились черты индивидуальности о. Владимира, а также он содержит биографические сведения о батюшке и обстановку духовной жизни Феодоровского собора, в котрой он служил. Документ публикуется впервые, даты в нём даны по старому стилю.

В 1920 году

Была особенно торжественно совершена Всенощная накануне **14 марта**, храмового праздника епископом Лужским Артемием¹.

В самый день престольного праздника 14 марта Владыка Митрополит Вениамин с еп. Артемием, о.о. архимандритами и прочим многочисленным духовенством совершили Божественную Литургию во время которой местный иеродиакон Ксенофонт посвящен в иеромонахи.

6 июня, ко Всенощной, из часовни на Петроградской стороне был привезен протопресвитером о. Ал. Дерновым чудотворный образ Спасителя, пред которым еп. Артемием и многочисленным духовенством был прочитан Акафист, а наместником Александром-Невской Лавры архимандритом Николаем совершена общая исповедь. Богослужение кончилось молебном после Божественной Литургии около 9 часов утра.

За литургией на священника храма Владимира Шамонина был возложен «золотой крест»

В мае месяце по праздникам и воскресным дням, после вечернего богослужения и обычного чтения акафиста, начали происходить, устраиваться внебогослужбные духовные беседы по инициативе настоятеля храма и прихожанина храма Сергея Алексеевича Купрессова. Ревностными помощниками последних явились профессор С.М. Зарин, Владимир Ш. Шкловский и другие проповедники.

Одновременно, совершенно безвозмездно добродетельный храм, регент Валентин Иванович начал создавать общенародный церковный хор, устроил еженедельные занятия по пению, и в скором времени праздничные молебны и акафисты и даже всенощные и обедни стали петься народным хором. Впрочем, при храме имеется хорошо организованный и очень недорогой платный хор под управлением Константина Тимофеевича Королева.

8 июля Сергеем Ал. Купрессовым был организован кружок любителей Слова Божия и после молебна, с 15 июля начались собрания и занятия кружка истолкованием первой главы Св. Евангелия от св. ап. Матфея.

17 апреля был совершен молебен перед началом занятий по Закону Божию. Дети, пожелавшие заниматься по Закону Божию были разделены на три группы по возрасту (6-9; 9-11; 12-15 лет), причём законоучителями явились иеромонах Невской Лавры о. Илларион, архим. Досифей, свящ. Владимир Шамонин. Занятия с детьми, которых было особенно много в двух первых группах, происходили по каждой группе по два раза в неделю по два часа каждый урок.

25 сентября священник Иоанн Заборовский с членами братства св. Иоанна Предтеченской церкви и многими паломниками прибыл ко всенощной в Феодоровский храм.

За богослужением пели паломники и весь народ под управлением регента Валентина Ивановича. О. <тец> И. Заборовский прочёл акафист Феодоровской Божией Матери и предложил молящимся беседу. Настоятель храма арх. Досифей приветствовал паломников. Торжество и общение молящихся были особенно яркими.

4 октября был привезен из г. Колпино Св. Образ Николая Чудотворца, и еп. Венедикт совершил всенощное моление. Свящ. Иоанн Заборовский совершил «Общую исповедь». Богослужение закончилось около 9 часов утра. Молящихся было множество.

5 октября вечером прот. Александр Боярский предложил многочисленным молящимся духовное назидание.

Св. образ Николая Угодника провел в храме и в домах прихожан до 7 октября.

16 октября приехал на подворье Феодоровского Городецкого монастыря настоятель монастыря – епископ Балахнинский Петр⁹.

17 октября еп. Петр совершил всенощную.

18 октября еп. Петр Балахнинский освятил правый верхний придел в честь свят. Николая Мирликийского и св. мученицы ца-

рицы Александры.

19 октября епископ Петр с многим духовенством совершил акафистное пение в нижнем храме (теплом) и предложил народу духовную беседу. Преосвященный заинтересовался народным хором, обычными собраниями по пятницам (истолкования Евангелия) и давал свои указания.

Храму еп. Петр подарил частицу св. мощей архиеп. Тверского Арсения, причём напомним житие святителя и рассказал о вскрытии св. мощей, свидетелем которого он, епископ Петр, являлся сам.

6 декабря состоялось особенно многолюдное вечернее собрание, на котором С.А. Купрессов сделал интересное и содержательное сообщение о деятельности «братцев» и в частности – «братца Ивана Чурикова».

11 декабря митрополит Вениамин совершил всенощную перед готовящимся к освящению средним алтарем нижнего храма.

12 декабря митрополит Вениамин с сонмом духовенства освятил средний нижний алтарь в честь святого благоверного Великого Князя Александра Невского и святой мироносицы Марии Магдалины.

20 декабря настоятель церкви «Скоропослушница» священник Виктор Семенов предложил многочисленным слушателям беседу на тему «Батюшка Иоанн Кронштадтский».

На **Рождество** при храме в трапезной братского корпуса, в более тёплом помещении, С. Алексеевич Купрессов открыл духовные беседы с туманными картинками, каковые беседы и проходили два раза в неделю Великого Поста 1921 года.

Несколько раз устраивались туманные картины для детей, причём руководителями являлись законоучители. О. диакон, позднее – о. Петр Шибалин из Невской Лавры несколько раз предложил прихожанам храма горячие пастырские назидания и чтения.

В 1921 году:

По прежнему происходили обычные богослужения, чтения акафистов, при общенародном пении, беседы по праздникам вечером (слушатели сидят на скамейках), проповеди за всенощными, литургиями, толковые (евангельские) собрания по пятницам (при участии студентов богословско-пастырских курсов), беседы с туманными картинками по два и три (для детей) раза в неделю, уроки по Закону Божию и т.п.

10 января, вечером, священник о. Николай, из церкви при Варгунинской фабрике предложил духовную беседу, растрогавшую всех.

24 января освящен вновь сооруженный на жертвоприношения образ святителя Арсения Тверского, в который вделана частица святых мощей, подаренная храму епископом Петром Балахнинским

16 февраля открылись духовные беседы во вторникам, которыми руководит священник храма. Архимандрит Невской Лавры о. Геннадий часто посещает эти беседы и предлагает слушателям от себя назидания.

19 февраля за многопечетельную о храме деятельность о. Настоятеля от прихожан храма и посетителей беседы архимандриту Досифею был поднесён драгоценный нагрудный крест и хлеб-соль.

Престольный праздник храма **13 и 14 марта** возглавил Владыка Петроградский Вениамин

14 марта вечером священник Виктор Семенов предложил множественному собранию беседу об о. Иоанне Кронштадтском.

25 марта приходской совет и прихожане чествовали регента платного хора К.Т. Королева (подношения: св. Образ, хлеб-соль, адрес, денежный подарок).

12 июня с 7 часов вечера до 9 ч. утра провёл в храме св. Образ Казанской Божией Матери. За обедней произнёс поучение свящ. о. Николай с Варгунинской фабрики.

20 июня, воскресенье, С. Ал. Купрессов и часть прихожан сделали паломничество в церковь Варгунинской фабрики (дописано: «в чем принимал участие <1 слово - нрзб> и архим. Досифей»).

Вечером того же дня регент К.Т. Королев дал с своим хором духовный концерт, привлёкший многих слушателей, причём в перерывах говорили проповедники (свящ. Алекс. Медведский, С.М. Зарин, Вл. В. Шкловский и др.).

В июне же С.Ал. Купрессов по средам занимается с желающими (и студентами курсов) по миссионерству.

4 июля и 5 июля С.Ал. Купрессов и многие

паломники пошли и поехали в Сергиеву пустынь.

Произошло чествование, ныне о. Валентина Ивановича, регента народного хора (подношения: св. образ, Библия, адрес, хлеб-соль)

15 июля священнику храма поднесли св. Икону, Библию и хлеб-соль <Здесь, вероятно, о. Владимир пишет о себе – О.К.>.

18 июля С.Ал. Купрессов и паломники на могиле о. Иоанна Кронштадтского.

1 августа по 3 августа св. образ Божией Матери со Шпалерной в храме и по домам. Отец Алексей Заборовский совершил общую исповедь.

8 августа С. Ал. Купрессов и настоятель арх. Досифей (вписка с «галочкой» другим почерком) – паломники к преп. Серафиму за заставу. <Непонятно, возможно имеется в виду какой-либо храм, где находилась частица мощей, или почитаемая икона преп. Серафима Саровского – О.К.>.

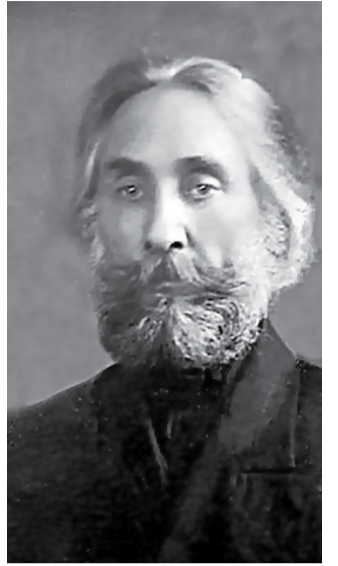
Ещё: **7 марта** пострижение монаха Иоасафа; позднее – монаха Епифания (студ. Богословского института) в присутствии многих студентов.

3 июля с субботы вечера до утра воскресенья св. Чудотворный образ Спасителя из часовни на Петроградской.

По документу видно, что, как и сейчас, в первые годы советской власти Феодоровский собор вёл активную просветительскую деятельность. Интересен обычай внутригородских и в ближайшие предместья межприходских паломничеств, а также перенесения святых из храма в храм для богослужений и посещения с ними домов (квартир) со служениями молебных. Так по тексту упоминаются: образ святителя Николая Чудотворца из Колпино – особо почитаемая в конце XIX – начале XX века епархиальная святыня, «явленный образ»; образ «Божией Матери со Шпалерной улицы», из храма «Всех скорбящих радости» – это одна из самых чтимых святых Петербурга – исполненный на кипарисе список одноименной чудотворной иконы, принадлежавший любимой сестре Императора Петра I царевне Наталье Алексеевне. К этому же Императору имеет отношение и упоминаемый «чудотворный Спас» из часовни на Петроградской стороне. Это – известная икона из «домика Петра».

В документе перечисляется ряд лиц, которых удаётся идентифицировать и проследить их дальнейшую судьбу.

Среди них **новомученик митрополит Вениамин (Казанский, 1873-1922)**. Подрожности о епископе Лужском Арсении и священнике Викторе Семенове вы узнаете из следующих частей нашей публикации. **Епископ Балахнинский Пётр** (Зверев, 1878-1929), новомученик, был позже епископом Старицким, викарием Тверской епархии, архиепископом Воронежским и Задонским. Отличался безупречной святостью жизни, громадным авторитетом среди верующих, писавших письма в его защиту уполномоченному Тучкову и собиравших манифестации у стен ГПУ, когда его вызывали на допрос. Противостоял обновленческому движению. Арестовывался в 1921 году, в 1922 был сослан в Туркестан, в 1924 – вернулся, снова арестован в 1926 г., приговорён к 10-летнему заключению на Соловках. После отбытия оттуда архиеп. Иллариона Троицкого, был избран заключёнными архиереями главой соловецкого духовенства. В лагере жил строгим уставом, соблюдая посты и ежедневное молитвенное правило. После того, как у соловецкого духовенства отобрали антиминс, литургии служили на его груди. На Соловках написал акафист Герману Соловецкому. Скончался от тифа. Когда в 1999 году обрели мощи владыки, его кости были белого цвета, в отличие от тёмных костей други скончавшихся от тифа. **Наместник Александр-Невской лавры архимандрит Николай** (Ярушевич, 1891-1961), упоминаемый под 6 июня – будущий митрополит Крутицкий и Коломенский, в 40-х – 60-х годах – второе лицо после патриарха в РПЦ. Информацию о **протопресвитере Александре Дернове** (1857-1923) автор этих строк уже публиковал на страницах Спасо-Парголово́вского листка. Он был законоучителем Великого Князя Владимира-Викторовича, детей младшего брата Императора Александра III, затем – придворным протопресвитером, заведующим придворным духовенством, основателем Общества защиты о. Иоанна Кронштадского, а после его смерти – председателем общества его памяти. **Священник Иоанн Заборовский** (1882-?, после 1933) с 1910 по 1919 гг. – настоятель Вознесенской Братской Колпинской церкви, видный полемист с евангельскими христианами, выступавший в защиту

Отец Владимир Шамонин. Конец 20-х – начало 30-х годов

православия на публичных с ними встречах, основал просветительно-миссионерские курсы в Колпино (1912-1918, закрыты советской властью). После закрытия церкви в Колпино стал настоятелем Крестовоздвиженской (Иоанно-Предтеченской) церкви (ныне – собор) в Ямской слободе с 1919 г., где создал религиозно-просветительское братство «Свет Христов» (1919-1922), по тексту нашего документа упоминаемое по названию храма, сначала разрешённое, потом объявленное нелегальным, за что о. Иоанн был арестован в 1922 г., но быстро отпущен, и ещё 11 лет был настоятелем той же церкви. В 1933 г. арестован вновь, дальнейшая судьба неизвестна. **Прот. Александр Боярский** (1885-1937) дед актёра Михаила Боярского, с 1915 года служил в Петрограде: вначале в храме святой Марии Магдалины при Училище лекарских помощниц и фельдшерц, затем – в Троицком храме в Колпине, стал его настоятелем в 1918 г. Преподавал на Богословских курсах пастырское богословие в 1920-1922. Активно проповедовал рабочим, организовывал благотворительную помощь, был заметной фигурой в духовной жизни Петрограда, уже до октябрьского переворота был сторонником христианского социализма, затем, с 1922 г. стал видным деятелем обновленческого движения, в 1921 г. был арестован, но в его поддержку было собрано 1400 подписей рабочих и его отпустили. В 1922 на процессе над митрополитом Вениамином выступил как свидетель за защиты. Был настоятелем Спасо-Сенновской церкви, Исаакиевского собора. Снова арестовывался в 1925 г. В 1933 г. стал обновленческим епископом (затем – архиепископом и митрополитом). Арестован в 1936 году, в 1937 – расстрелян. **Священник Александр Медведский** (1890-1973), священник с 1911 года. В Петрограде-Ленинграде служил в 1920-1935, 1944-1972 гг. в различных храмах, последнее место служения – 1953-1972 гг. – настоятель Николаево-Боговлянского собора. «Ленинградский златоуст». Похоронен у алтаря Спасо-Парголово́вского храма. **Сергей Александрович Купрессов** (1887-1965) преподаватель сравнительного богословия, истории и обличения старообрядчества и сектанства в С.-Петербургской семинарии в 1913-1918 гг, затем, после её закрытия – на Пастырско-богословских курсах (до 1922 г.). С 1946 г. – доцент ЛДА, с 1951 – магистр богословия, профессор. Преподавал психологию, сравнительное богословие, логику, историю русского раскола и сектанства, гомилетику, историю западных исповеданий. С 1960 г. – на пенсии. **Сергей Михайлович Зарин** (1875-1935) – богослов, библист. В 1900-1909 гг. – преподаватель русского и церковнославянского языков Александр-Невского духовного училища. Затем, в 1909-1910 годах – доцент Санкт-Петербургской духовной академии. В 1910-1918 годах – экстраординарный профессор по кафедре Священного Писания Нового Завета и инспектор Санкт-Петербургской духовной академии. Основным богословским трудом профессора Зарина является его магистерская диссертация «Аскетизм по православно-христианскому учению», и являющаяся одной из наиболее значимых работ на эту тему в XX веке. В 1922 присоединился к обновленческому движению, стал одним из его видных деятелей, идеологом, участвовал в обновленческих соборах 1923 и 1925 годов. **Владимир Борисович Шкловский** (1889-1937) старший брат известного русского советского писателя, литературоведа, критика, киноведа и киносценариста Виктора Шкловского (1893-1984). Был преподавателем французского и латинского языков в СПбДА, позже в Богословском институте, на Пастырско-Богословских курсах в Ленинградском университете. Был псаломщиком в Никольском соборе. Неоднократно арестовывался. В 1937 г. – расстрелян.

О.Куликов

Продолжение следует

Спасо-Парголово-Листок протоиерей Владимир Шамонин (Материалы к жизнеописанию)

Часть 10 ПЕТРОГРАД И РОССИЯ. 1919 - 1922 годы

Продолжая говорить о служении о. Владимира в Феодоровском соборе, можно отметить и ещё одну черточку опубликованных воспоминаний Зои Владимировны Шамониной (1914–1985). Кстати, она могла не только передать в них рассказ батюшки, но уже и дополнять его собственными детскими впечатлениями – ей было тогда 5-6 лет.

Она пишет: «время настало военное, полуголодное, и люди, жалея и выделяя молодого семейного священника среди монахов, приходили к нему домой и приносили что-нибудь из продуктов. Собор почти не отапливался: в алтаре замерзала вода, служили в шерстяных беспальных рукавицах, на шею наматывали шарф (другие, а не отец Владимир – он служил как есть). Но пальцы рук у него распухали, болели. Сестры-монахини... принесли мази намазать на ночь и завязать пальцы. Все были простужены, кашляли, голоса срывались, а наш папа – как будто неуязвим. Одна прихожанка приносила мёд, чтобы батюшка пил с ним чай, а он мазал его на хлеб детям».

Здесь мы, похоже, сталкиваемся с упоминанием о событиях «Первой блокады города», тогда ещё Петрограда, как теперь стали называть её историки. Хотя, кроме них, мало кто адекватно представляет масштабы этого бедствия и его причины...

Если в начале 1917 г. население Петрограда составляло 2 млн. 400 тыс. человек, то к концу 1920 г. – не больше 800 тыс. Эти потери сопоставимы с потерями населения города в 1941-1943 гг. Хотя как таковой «блокады» в прямом смысле не было – голод был следствием политики пришедших к власти большевиков, а не окружения. На территориях, контролируемых Белой армией он в целом по России в такой степени не проявился, как в «красном» центре.

Конечно, перебой с продовольствием, связанные с Первой Мировой войной, нагрузкой на экономику и с тем, что большая часть трудоспособных крестьян оказалась призванной на фронт, были и до переворотов 1917 г. Государственная монополия на хлеб была объявлена Временным Правительством ещё в марте 1917 г.

Но настоящий голод принесла советская власть. По Брестскому миру была оккупирована немцами Украина – из «житницы России» она становится «житницей Германии». Большевики полномасштабно начинают «национализировать» промышленность, транспорт (железные дороги, флот), пытаются отказать от финансовой системы вообще («военный коммунизм»), что приводит к общему ступору производства, безработице, нарушению связей внутри страны. С начала 1918 г. некоторые продукты выдавались по карточкам, а с ноября 1918 – все продукты только по карточкам.

Распределение продуктов по карточкам было ещё и особой политикой вымарачивания «неугодных классов». Рабочим военных заводов выдавали в месяц 24 фунта муки, 1-4 фунта крупы, 1-2 фунта сахара, 3-6 фунтов мяса. Граждане из «бывших эксплуататорских классов» получали от 50 до 250 граммов хлеба в день (с весны 1919 г. в Петрограде – 50-100 г.) и более ничего, кроме того, до части из них карточки не доходили вообще. Да, продукты и повседневные товары можно было приобрести на чёрном рынке, противозаконно, но финансовая политика большевиков обесценила деньги. Фунт масла стоил 2300 рублей, соли – 380, одна свеча – 600, коробок спичек – 80. Бывшие дворяне и интеллигенция меняли на хлеб и другие продукты питания фамильные драгоценности, часы, мебель, одежду.

Священники были причислены к самой обделённой правами и пайком, четвёртой категории населения, вместе

с бывшими помещиками (землевладельцами), крупной буржуазией и собственниками, у которых, по сравнению с «духовными», оставались какие-то сбережения и ценности, если конечно, их не изъяли до этого по «ордеру на экспроприацию». Но продуктов не хватало даже рабочим, им давали отпуска для отъезда в деревни на «поправку здоровья» (летом 1918 закрыли Путиловский завод на две недели, чтобы рабочие могли подкормиться за пределами Петрограда).

Наряду с голодом, переборами с топливом, начались эпидемии. Кроме того, что подача воды в петроградский водопровод упала, летом 1918 года временное прекращение хлорирования водопроводной воды вызвало в Петрограде вспышку холеры. Съеденные городские лошади означали не только отсутствие извозчиков, но и прекращение вывоза нечистот и мусора. К этому добавилось отсутствие лекарств, дефицит мыла и топлива для бань. Если в 1914 году в городе было свыше двух тысяч докторов, то к концу 1920 года их оставалось меньше тысячи (напомним, что похороненный на Шу-

Раздача детям бесплатного обеда. Петроград. 1919 г.

валовском кладбище известный доктор Цимбалин умер именно в этом году, заразившись тифом от пациентов). Разумеется, советская власть всю вину за голод и «разруху» и тогда, и всё последующее время – в учебниках истории – сваливала на Гражданскую войну и Бельх...

За скудными строками воспоминаний Зои Васильевны мы видим такую картину. Семья батюшки, он и матушка с тремя дочками, могла выжить без потерь только благодаря помощи прихожан. И не случайно так запомнила Зоя Васильевна мёд и мази от сестёр-монахинь. Они были величайшей, наверное, драгоценностью, на вес золота и бриллиантов. Воспоминания намекают на то, что на единственный продукт, доступный по карточкам семье священника – хлеб, благодаря помощи прихожан стало возможно намазать мёд. Возможно, присылали батюшке продовольствие и из Сары – в деревнях голод не был таким страшным. Мы с вами увидим дальше, по мере нашего повествования, что связи с первым местом служения у о. Владимира сохранялись достаточно продолжительное время.

Обвиняемые по петроградскому делу об изъятии церковных ценностей. В первом ряду, в центре – митрополит Петроградский и Гдовский Вениамин (Казанский). Петроград, 1922 г.

Воистину, в те годы жизнь священника зависела от любви и преданности его прихожан. А прихожане всегда и везде заслуженно любили замечательного батюшку – от Сары до Спасо-Парголово-Листка...

... После поражения Белого движения (о причинах его не место здесь говорить, так как его влияние на события жизни о. Владимира весьма опосредованно), большевики поставили перед собой цель подавить саму возможность крестьянских волнений. Для этого крестьянство должно было быть ослаблено. Массовый крестьянский голодомор начала 20-х гг. был следствием политики большевиков, которая наложила на неблагоприятные природные условия. С лета 1920 г. по март 1921 г. по всей России, где установилась «советская власть», проводились насильственные изъятия у крестьян почти всего хлеба и иных пищевых продуктов, массовый угон скота. Инструкции Ленина, предписывающие изымать посевное зерно и даже минимум, необходимый для пропитания, опубликованы в его полном собрании сочинений, т. 43, с. 219. У крестьян было реквизировано 90% урожая, который был в 1920 г. и так скуден. С начала 1921 года появились первые признаки голода, а в самом 1921 г. разразилась засуха. Масштабы бедствия, возможно, оказались неожиданными даже для власти. В 1921 г. был издан декрет о свободном обмене, покупке и продаже сельскохозяйственных продуктов, но «натуральный налог», зависящий от площади пахотной земли – был огромен и подобен грабежу, его не снижали. Голод охватил 37 губерний в Поволжье, Приуралье на юге России. Люди ели собак, кошек, множились случаи людоедства. Несмотря на это, взимание продналога продолжалось. Летом 1922 г. голодало более 30 млн. человек. Тотальный голод приостановился к 1923 г. Жертвами его стало более 5 млн. человек, по самым скромным подсчётам. Да, нужно заметить, что и в Российской Империи были стихийные неурожаи, засухи и мор по этой причине. Но никогда в таких случаях число жертв не превышало полумиллиона человек.

Кроме подавления недовольства крестьян, призванный большевиками голод должен был сослужить и иную службу. 19 марта 1922 года в ныне широко известном секретном письме членом Политбюро ЦК РКП(б) Ленин пишет: «Именно теперь и только теперь, когда в голодных местах едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем и поэтому должны провести изъятие церковных ценностей с самой дешёвой и беспощадной энергией, не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления. Все соображения указывают на то, что позже нам сделать этого не удастся, ибо никакой иной момент, кроме отчаянного голода,

Отец Владимир Шамонин. Конец 20-х – начало 30-х годов

не даст нам такого настроения широких крестьянских масс, который бы либо обеспечивал нам сочувствие этой массы, либо, по крайней мере, обеспечил бы нам нейтрализовывание этих масс. Мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли об этом в течение нескольких десятилетий... Чем большее число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся по этому поводу расстрелять, тем лучше...».

Таким образом, несмотря на активное и разностороннее участие духовенства в помощи голодающим (послание Святейшего Патриарха Тихона главам христианских Церквей с призывом помочь голодающему русскому народу летом 1921 г., воззвание Святейшего Патриарха Тихона 19 февраля 1922 г., «благословлявшее церковно-приходские советы жертвовать в пользу голодающих драгоценные предметы, не имевшие богослужебного пользования») и собирать пожертвования голодающим), Русская Православная Церковь была обвинена в отказе употребить свои якобы несметные материальные ценности на борьбу с голодом. В добровольном сотрудничестве с Комитетом Помощи Голодающим (Помголом) Церкви было отказано, и 23 февраля 1922 г. вышел декрет ВЦИК о насильственном изъятии церковных ценностей. Не только сопротивлявшимся, но даже просто на словах возмущавшимся вандализмом грабежом властью храмов священникам и прихожанам был дан жестокий отпор. Самыми громкими показательными процессами об изъятии церковных ценностей стали московский и петроградский, где, как и везде, судам придавалась видимость «революционной законности», но приговор вынесен заранее. Несмотря на то, что в Петрограде результатом этих «судов» был расстрел горячо любимого паствой, первого и единственного всенародно избранного митрополита Вениамина, ныне прославленного в лике святых, а также троих его сподвижников – архимандрита Сергия (Шейна), мирян Юрия Новицкого и Иоанна Ковшарова (в Москве смертный приговор вынесли трём известным протоиереям, иеромонаху и мирянину) – суды выглядели необоснованными, а приговоры – несправедливыми. Позже по этой причине большевики отказались от показательных процессов.

Мы рассказываем об этих событиях первых лет советской власти не ради праздного интереса. Кроме общепросветительских целей, демонстрации фона церковной и общественной жизни, на котором протекала жизнь о. Владимира и его семьи, процессы насильственного «изъятия церковных ценностей» сыграли в его судьбе немаловажную роль. «Благодаря» им, как не страшно это звучит, о. Владимир оказался настоятелем храма, являвшегося, пожалуй, одним из самых значительных центров духовной жизни Петрограда-Ленинграда 20-х – начала 30-х годов.

О. Куликов

Продолжение следует

Спасо-Парголово-Листок протоиерей Владимир Шамонин (Материалы к жизнеописанию)

Часть 11 НИКОЛО-АЛЕКСАНДРОВСКИЙ БАР-ГРАДСКИЙ ХРАМ. 1922 г.

В 1922 году о. Владимир становится настоятелем храма Святителя Николая и благоверного князя Александра Невского, находившегося на пересечении 2-й Рождественской (Советской), Калашниковского (Бакунина) пр. и Мытнинской ул. Он изначально не был приходским, являясь храмом Императорского Палестинского общества. Кроме официального названия, этот храм именовали «Никола-Барградским» – его главным престольным праздником был день перенесения мощей Святителя и чудотворца Николая из Мир Ликийских в Бари Итальяские (9/22 мая). Храм был известен и как «храм Скоропослушницы», так как в нём находилась одна из главных в начале XX века городских петроградских святынь – икона Божией Матери, ныне почитаемая как «Скоропослушница Невская».

Для храма пожертвовал свою коллекцию древних икон, среди которых были образы, приписываемые даже св. Андрею Рублёву, кн. А.А. Ширинский-Шихматов, бывший тверской губернатор, обер-прокурор св. Синода и член Государственного Совета. Храм был и построен в древнем стиле, и богослужебные предметы и утварь соответствовали архитектуре храма и стилю икон, всё это делало Барградский храм уникальным храмом-музеем, культурной ценностью Петрограда. О Палестинском обществе, истории храма, чудотворной иконе и других его «сокровищах» мы расскажем в следующих выпусках нашего «сериала», данная же краткая о нём справка нам понадобилась для того, чтобы понять обстоятельства перехода в этот храм о. Владимира, десятилетнее настоятельство в котором стало важнейшим этапом пастырского пути Спасо-Парголово-Листок протоиерея.

О. Владимиру Шамонину пришлось занять в этом храме место предыдущего настоятеля, о. Виктора Петровича Семёнова. Мы считаем необходимым познакомить вас с краткой биографией этого священника, так как архивные сведения о нём пока, в таком объёме, нигде не публиковались, а по обстоятельствам его кончины – место его среди новомучеников, пострадавших от безбожной власти, осуждённых по процессу об изъятии церковных ценностей вместе с митрополитом Вениамином.

О. Виктор Петрович Семёнов родился 23 декабря 1865 года, происходил из потомственных дворян. Этим его биография сходна с биографией о. Владимира, а ещё он, как и наш батюшка начинал как военный, но – моряк.

1 октября 1885 года он окончил полный курс наук в Инженерном училище Морского ведомства и поступил в службу в корпус корабельных инженеров подпоручиком. Службу проходил в разных должностях в Кронштадтском порту. В 1896 г. получил орден св. Станислава III степени, в 1901 – св. Анны III степени, в 1904 г. – св. Станислава II ст. Уволен в отставку по собственному желанию, согласно прошению, с мундиром и пенсией в чине подполковника 17 марта 1908 г. «Вдгонку», 13 апреля получил орден св. Анны II ст.

Определен на священническую вакансию к Пятогорскому женскому монастырю Царскосельского уезда резолюцией митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Антония (Вадковского) 25 июня 1908 г., 28 июня рукоположен в сан диакона, а в сан священника – 29 июня. 27 августа 1909 г. назначен на священническую вакансию к Покровской церкви Гатчинского подворья Пятогорского женского монастыря. 18 апреля 1910 г. награждён набедренником. 26 августа 1911 г. назначен на священническую вакансию при Введенской церкви, что при доме дешёвых комнат Общества Синего Креста в Заячьем переулке, 3. 2 апреля 1912 г. награждён фиолетовой скуфьей. 4 октября 1912 года уходит за штат по собственному желанию. С октября 1912 по июль 1913 г. исполнял священнические обязанности на Смоленском кладбище

(т.е. требы на могилах), согласно личному разрешению Никанора, еп. Нарвского. 15 июля 1913 г. приписан к Исаакиевскому кафедральному собору для участия в соборном служении при архиерейских службах. В 1915–1918 гг. в качестве вольнослушателя о. Виктор прошёл полный курс наук в С.-Петербургской Духовной Академии.

Своё восхождение на Голгофу новомученичества о. Виктор начал 30 марта / 12 апреля 1918 г., когда был согласно ходатайству попечительства Никола-Барградского храма, состоящего в ведении Православного Палестинского Общества, резолюцией священномученика митрополита Вениамина Петроградского и Гдовского назначен исполняющим обязанности настоятеля этого храма. По косвенным данным, к тому времени он был уже вдовцом.

10 июля 1918 г. он был награждён камилавкой.

В июне 1921 г. уже вторично был арестован исполняющий должность Председателя Церковного Совета Палестинского общества, В.Д. Юшманов, секретарь канцелярии, директор библиотеки, управляющий делами и научный сотрудник ППО, палестиновед, отец известного арабиста Н.В. Юшманова, похороненного на Шуваловском кладбище.

Никола-Барградский храм. Фото Карла Буллы, 1915 г.

Под арестом он провёл девять с половиной месяцев.

По делу Палестинского Общества вместе с его документами, были изъяты приходо-расходные ведомости Барградского храма и описи церковного имущества. Также были опечатаны шкафы с богослужебными книгами, но кто-то сорвал печать со шкафа. Затем священникам запретили произносить в храме проповеди. Настоятель стал активно протестовать, хотя и был готов идти на компромисс – передавать тексты проповедей на «утверждение» Управления Смольнинского района. Власти в свою очередь вменяли ему незаконность любых «богослужебных действий» на приходе. Между 11/24 и 16/29 марта 1922 г. о. Виктор Семёнов был арестован. Потом последовал суд.

Начальник 16 отделения милиции Игнатьев свидетельствовал на суде, о якобы сопротивлении при аресте о. Виктора и о том, что ему пришлось стрелять в воздух, чтобы рассеять толпу, сбежавшую на крик священника, для его защиты. Возможно, в словах Игнатьева было лжесвидетельство, так как в протоколе судебного заседания записано, что «во время показания этого свидетеля священником сделан припадок», видимо вызванный возмущением о. Виктора словами «свидетеля».

В ночь с 22 марта / 4 апреля на 23 марта / 5 апреля храм-музей был ограблен. Возможно, это была инсценировка-провокация.

Приходской совет храма пытался через правящего архиерея добиться освобождения о. Виктора, а если без суда освободить невозможно, брал на себя хлопоты по поводу поиска защитника. Однако, 1 июня был арестован и сам митрополит Вениамин, а дело о. Виктора было приобщено к групповому «Делу митрополита Вениамина о воспрепятствовании изъятию церковных ценностей».

Прихожане попытались собирать подписи под требованием в ГубЧК освободить о. Виктора, однако Приходской совет, которому, возможно, пригрозили отобрать храм вообще, постановил «признать действия прихожан недопустимыми и принять меры к тому, чтобы впредь никаких подписей без ведома совета в храме не собиралось».

После ареста неудобного настоятеля власти продолжили «изъятие церковных ценностей». Сохранился акт от 27 апреля 1922 г., «составленный представителем подкомиссии по изъятию ценностей Смольнинского района т. Степановым и Зенько в присутствии представителей от Главмузея и Приходского совета Бумагина, Печника, Игнатьева, Коновалова, Миляева, Емельянова, настоятеля церкви Гавриила Думяна (1891-1966, по настоящему – иеромонаха Гавриила Думяна, сирийца по происхождению, умершего митрополитом Лагакийским, Антиохийская Православная Церковь – О.К.), иеромонаха Абрамова. Произвели изъятие ценностей... с полным участием присутствующих, которые сами помогли снимать. Изъято: с япти Евангелий обложки, одна лампада в количестве 9 фунтов оставлена по заявлению верующих иконе Скоропослушнице, которая ими окупится в семидневный срок благородным металлом в количестве четырёх фунтов...».

В начале июня 1922 г. Приходской совет Барградского храма принял решение «уплатить из церковных средств, не вычитая из жалования о. Виктора» по 3 млн. рублей гражданского налога за о. Виктора и его прислугу.

15/28 июня 1922 г. в три с половиной часа дня, в возрасте 56 лет, настоятель Барградского храма о. Виктор Семёнов заразившись тифом, скончался в заключении, приняв мученический венец за Христа.

В протоколе заседания приходского совета Барградского храма от 9 июля / 26 июня 1922 г. содержится следующее постановление: «принести благодарность заместителю Александро-Невской Лавры, еп. Николаю <(Ярушевичу) – О.К.> с братией, встретившей тело умершего и совершившего литию, и благочинному V округа о. А.С. Кононову, совершившему отпевание, и выразить благодарность членам совета: о. Дамиану, о. Митрофану, И.А. Печкину, С.М. Коновалову, К.А. Миляеву, Я.Ц. Поморину, А.Е. Емельянову и др., принявшим горячее участие в деле погребения».

В этом же протоколе есть и другая запись: «Слушали: Выборы настоятеля. Постановили: Предложены были кандидатуры: о. Гавриила (Думяни), о. Василия Верюжского и о. Владимира Шамонина. О. Гавриил Думяни свою кандидатуру в настоятели снял; из оставшихся кандидатов закрытой баллотировкой 8-ю голосами против 5-ти избран о. Владимир Шамонин».

О. Василий Верюжский (1874-1955), «соперничавший» на выборах в настоятели Барградского храма с о. Владимиром, был также неординарной личностью. К 1922 году он был клириком «Спаса-На-Крови», профессором Петроградского Богословского института, (открытого вместо разорённых новой властью Духовных школ – Семинарии и Академии, где также был штатным экстраординар-

Отец Владимир Шамонин. Конец 20-х – начало 30-х годов

ным профессором), одновременно работал архивистом в «Главархиве». В 1923 году отказался перейти в обновленчество, арестован, но быстро выпущен. Когда собор «Спас-На-Крови» вернулся в Патриаршую церковь, стал его настоятелем. Был одним из виднейших деятелей Ленинградского иосифлянского движения, сумевшим сохранить свой храм для иосифлян и сделать «Спас-На-Крови» центром «группы защиты истинного православия», как фигурировало в делах ОГПУ иосифлянского движения. В конце 1929 г. был снова арестован, больше полугода содержался в одиночной камере, приговорён к 10 годам лагерей. Позже заключение было заменено ссылкой. В 1939 году о. Василий вернулся в Ленинград, а в 1947 г. даже реабилитирован, чтобы стать профессором Ленинградских духовных школ, возрождённых в ходе «сталинской церковной оттепели». Ему первому в советский период было присвоено звание «доктор церковной истории». До своей кончины он преподавал в ЛДА в качестве профессора, был заведующим кафедрой византистики и истории славянских церквей...

...Однако, в воспоминаниях, записанных Зоей Шамониной, история перехода о. Владимира в Барградский храм предстаёт абсолютно иначе:

«...Однажды, по окончании беседы батюшки с народом в нижнем храме подошли к нему двое интеллигентных мужчин, которых послал митрополит с просьбой перейти на другое место служения – настоятелем Никола-Александровского Барградского храма <...>

Отец Владимир смутился и отказался, считая себя недостойным такой чести. Однако вскоре опять пришли приглашать. Опять он отказался, сославшись на то, что это место для маститого, заслуженного протоиерея. А в третий раз посланные от митрополита, войдя во время его „беседы“ в нижнем храме собора, сказали: „вы сейчас произнесли чудесную речь о Промысле Божием, а он таков, что Божия Матерь хочет вас к Своей иконе „Скоропослушница“ настоятелем“. Тогда батюшка вместе с посланными просителями поехал к митрополиту и после разговора с ним вынужден был согласиться».

Эта история, на первый взгляд, очень плохо стыкуется с фактами, изложенными в документах. Можно предположить, «самоцензура», ведь писалось это в советское время, хотя и в стол, но бумаги могли обнаружить. Главная «нестыковка»: на момент перехода о. Владимира в Барградский храм, епархиальный митрополит (священномученик Вениамин) находился под судом и арестом. Но если даже и нет, тогда получается, «выборы настоятеля» в приходском совете представляли собой некую формальность для власти, хотя решение было вынесено заранее. У автора этих строк есть некая стройная гипотеза, которая может согласовать все эти противоречия, так что хорошо запомните этот текст. Но эта тема даже не для следующей «серии» нашей затянувшейся истории, которую мы посвятим рассказу об истории Барградского храма, чудотворной иконы «Невская Скоропослушница» и другим сокровищам музейной церкви, настоятелем которой до самого её разрушения был о. Владимир.

О. Куликов

Продолжение следует

Спасо-Парголово́вский протоиерей Владимир Шамонин (Материалы к жизнеописанию)

Часть 12 НИКОЛО-АЛЕКСАНДРОВСКИЙ БАР-ГРАДСКИЙ ХРАМ. ИСТОРИЯ И ОБЛИК. ЧАСТЬ 1

В предыдущей части этого цикла статей мы рассказали о том, как о. Владимир Шамонин стал настоятелем Бар-Градского храма. Поскольку это настоятельство стало важнейшим этапом его жизни, необходимо рассказать и о самом храме, о его истории и его значении для города.

История храма началась с покушения на Александра II 25 мая 1876 года в Париже (попытка мести за подавление Польского восстания 1863-1864 гг.). В память о спасении Государя торговцы Старо-Александровского рынка решили возвести на Калашниковском проспекте часовню в честь небесного покровителя царя – св. блгв. кн. Александра Невского и Николая Чудотворца. Строительство часовни затянулось, она была освящена лишь в 1879 году (9 мая, на день Перенесения мощей Святителя и Чудотворца Николая).

И ещё ряд событий оказался важен для истории храма. В 1875 году в Петербург прибывают два иеромонаха из Пантелеимонова русского монастыря на Афоне – Афанасий и Варсонофий. Им русским послом в Константинополе графом И.П. Игнатьевым был поручен в России сбор пожертвований для восстановления Сионского храма в Мирах Ликийских, где изначально находились мощи Святителя Николая. Иеромонахи принесли с собой святые, среди которых главными были – часть Животворящего Древа Господня, частицы мощей великомученика и целителя Пантелеимона, Святителя Николая, а также список с чудотворной иконы Скоропослушница, хранящейся на Афоне в монастыре Дохиар. Однако из-за начавшейся Русско-Турецкой войны 1877-1878 гг. отцы Афанасий и Варсонофий вынуждены были покинуть Россию, а привезенные ими святые были определены в часовню на Калашниковском проспекте (ныне пр. Бакунина). Часовня стала приписной к Сионскому храму, с чем основатели часовни согласились, с особенной радостью приняв в неё мощи и икону с Афона.

Перед святынями в часовне постоянно совершались молебны и панихиды и к 1885 году на восстановление храма в Мирах было собрано уже более 70 тыс. рублей. На тот момент попечение о восстановлении храма перешло к Императорскому Православному Палестинскому Обществу, основанному в 1882 г. Первым председателем общества был Великий Князь Сергей Александрович, московский генерал-губернатор, супруг преподобномученицы Великой Княгини Елизаветы Феодоровны.

В 1885 году в первой деревянной часовне случился пожар, и она сгорела дотла. При этом было явлено чудо. В мусоре пепелища была обрета икона Скоропослушницы. Она сильно обгорела и видоизменилась. Осталось только оплечное изображение Богоматери с Её правой рукой. Однако, образ был писан на толстом картоне, и по краям видно было, что он была охвачена огнём, который прекратился внезапно, вдруг. Так возник совершенно новый тип Богородичной иконографии: Скоропослушница, но без Младенца, получивший уже в наше время наименование: «Скоропослушница Невская». Такое чудесное спасение святыни храма произошло на благочестивых жителей Петербурга громадное впечатление. К иконе Божией Матери Скоропослушницы во временное помещение на

Калашниковском проспекте потянулись вереницы богомольцев и перед ней непрерывно совершались молебны. Были замечены чудеса. С тех пор начался обычай возить Св. икону по домам. Сначала такие выездные молебны были даже ежедневными. Быстро на месте сгоревшей часовни была выстроена новая каменная, по размерам значительно больше первой, и в ней, кроме молебнов и панихид, совершались ежедневно всенощные бдения и обедни с чтением акафистов. А икона была «одета» благодарными богомольцами в филигранный, драгоценный оклад. Вот описание иконы и её убранства из описи икон Бар-Градского храма на 1916 г.: «Наместный образ - Божией Матери «Скоропослушницы» греко-афонского письма. Риза и венец украшены драгоценными камнями большой ценности - плод усердия богомольцев храма и почитателей сей святыни. Икона, как по окладу, так и басменному ковчегу, установлена наподобие Владимирской иконы Божией Матери, что в Московском Большом Успенском соборе...». Икона стала одной из самых почитаемых в Петербурге-Петрограде-Ленинграде святынь. К сожалению, ныне поток к ней, находящейся в Свято-Троицком соборе Александро-Невской Лавры не столь велик, но, возможно, многие просто не догадываются о том, сколько чудес от этого образа произошло, особенно в тяжёлые для верующих и церквей 20-е – 30-е гг. Но к этой теме мы ещё вернёмся неоднократно...

После трагической смерти мужа, погибшего от бомбы Каляева, председателем Императорского Православного Палестинского Общества стала преподобномученица Великая Княгиня Елизавета Феодоровна. Так как В.К. Сергей Александрович был ктитором часовни, возникла мысль в память о нём и ради постоянной молитвы о его упокоении и упокоении всех «верных слуг Царя и Отечества, крамолоу убийственных» преобразовать Александро-Николаевскую часовню в храм во имя Святителя и Чудотворца Николая.

К тому времени она представляла из себя сооружение тесное и низкое, крайне неудобное для массовых богослужений. Окружена была часовня, ставшая храмом, собственной обводной стеной с пятью башенками и небольшой колокольней. Но вскоре возведенные обводные стены дали угрожающую трещину.

Из-за вышеупомянутой войны с Турцией участок с храмом в Мирах был отобран у российских собственников Турецким правительством, и от идеи кураторства над восстановлением Сионского храма пришлось отказаться. В 1910 году решено было перенаправить силы и собранные уже средства на устройство храма и странноприимницы в Бари, где и сейчас находятся мощи Святителя Николая.

Так Императорское Православное Палестинское Общество приняло решение построить на этом месте храм, доходы от которого должны были содержать русский храм во имя св. Николая в Бар-Граде (в Италии) и странноприимницу при нем для русских паломников «в более благолепном и удобном виде». Соответственно и храм стал называться, так как был освящён в честь Перенесения мощей Святителя Николая в Бари и св. блгв. кн. Александра Невского – «Никола-Александровским Бар-Градским».

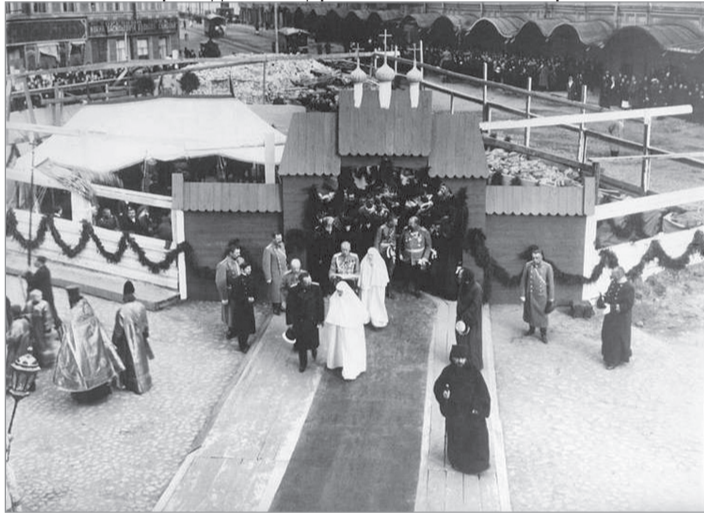
Проект нового храма был поручен архитектору С. С. Кричинскому, строителю храма в память 300-летия дома Романовых (Феодоровского собора, о котором мы уже рассказывали) автору проекта Большого Дворца в Шуваловском парке, чем нам он особенно интересен. В виду почти полного отсутствия в Петрограде образцов древнерусского зодчества, согласно желания Великой Княгини Елизаветы Феодоровны и по мысли вице-председателя Палестинского Общества и председателя высочайше учреждённого барградского Комитета князя А. А. Ширинского-Шихматова - знатока и любителя русского искусства, было решено построить новую церковь наподобие не-

больших храмов со звонницами XV-XVI в. Новгорода и Пскова.

Незначительные размеры места, отведенного городом под постройку, и положение храма между высокими домами трех пересекающихся улиц, привели С. С. Кричинского к мысли разработать внешний вид церкви значительной высоты при небольшой площади, устремлённой ввысь, чтобы окружающие здания не заслоняли и не подавляли бы церковного строения.

Закладка храма состоялась 8 сентября 1913 года на месте разобранного до основания прежнего храма. О её подробностях можно узнать из брошюрки того же года издания за авторством упомянутого в предыдущей части статьи Владимира Дмитриевича Юшманова.

В день освящения с утренним поездом Николаевской железной дороги, из Москвы прибыла Великая Княгиня Елизавета Феодоровна и молилась за Литургией в Казанском Соборе. «С 11 ч. утра Калашниковский просп. и 2-я Рождественская улица, а так же площадь и панели смежных улиц стали заполняться публикой, стекавшейся со всех концов столицы для присутствия на церковном торжестве во славу столь чтимого православным русским народом Святителя Николая Мирликийского. В половине второго часа, один за другим, стали прибывать из ближайших к месту закладки приходских церквей: Знамения Пре-

св. Богородицы, Борисо-Глебской, Христорождественской и Иоанно-Предтечинской крестные ходы с иконами и хоругвями, во главе с духовенством. Около двух часов дня, помещающаяся в доме Галунова временная часовня, украшенная по праздничному и освещённая множеством горящих свечей и лампад, стала наполняться приглашёнными на чин закладки лицами. Здесь находились: обер-прокурор Святейшего Синода В.К.Саблер, министр путей сообщения С.В.Рухлов, вице-председатель Палестинского Общества князь А.А. Ширинский-Шихматов, состоящий при Особе великой княгини Елизаветы Феодоровны Помощник Председателя Палестинского Общества ген.-от-кавал. М.П. Степанов, бывший вице-председатель Общества, Член Государственного Совета сенатор Н.М.Аничков, члены Совета Палестинского Общества: товарищ министра иностранных дел гофмейстер А. А. Нератов, директор историко-филологического института академик В. В. Латышев, главный инспектор медицинской части флота почетный лейб-медик А.Ю. Зуев, академик тайн. сов. М.П. Боткин и заслуженный профессор А.А.Дмитриевский, <...> князь Н.Д.Жевахов, настоятельница Иоанновского женского монастыря игуменья Ангелина с сестрами обители, члены Палестинского Общества и попечительства Никола-Александровского храма. Здесь же в часовне собрались для встречи Владыки митрополита член Святейшего Синода Алексей, епископ Тобольский и Сибирский, ректор С.-Петербургской духовной академии Анастасий, епископ Ямбургский, благочинный монастырских подворий о.архимандрит Макарий, настоятель Горюцкого подворья о. архимандрит Алексей, настоятель создаваемого храма иеромонах Георгий и др. духовные лица, приглашённые на чин закладки.

В 2 ч. дня, в сопровождении наместника Александро-Невской лавры о. архимандрита Феодана и братии, в часовню,

прибыл высокопреосвященнейший Владимир, митрополит С.-Петербургский и Ладжский. Владыка митрополит приложился к местной чтимой иконе Божией Матери «Скоропослушницы», после чего преподол собравшимся свое святительское благословение. В это время к его высокопреосвященству обратился с приветствием вице-председатель Императорского Православного Палестинского Общества князь А.А. Ширинский-Шихматов, выражая от имени Совета Общества и местного попечительства живейшую радость по случаю прибытия Владыки для совершения чина закладки храма; засим, поднеся его высокопреосвященству художественной работы св. панагии с изображением иконы Божией Матери, именуемой „Скоропослушница“, князь А. А. просил владыку, как священноархимандрита недавно праздновавшей двухсотлетие своего бытия Александро-Невской лавры, принять эту панагию в знак искренней благодарности Палестинского Общества как лично его высокопреосвященству, так и возглавляемой им Александро-Невской лавре за ту нравственную и материальную поддержку которая искони сопровождает все благие начинания Общества. В 2 ч. дня изволила прибыть Её Императорское Высочество великая княгиня Елизавета Феодоровна, в сопровождении состоящей при Её Особе В. С. Гордеевой, и Её Высочество князь Иоанн Константинович. Встречен-

ные князем А.А. Ширинским-Шихматовым, ген.-от-кавал. М.П. Степановым, полковником Д.Н. Ломаном и Градоначальником свиты Е.И.В. ген.-майором Д.В. Драчевским, Их Высочества последовали в часовню, где приложились к св. кресту и приняли благословение митрополита Владимира. Её Императорское Высочество привезла с собою в дар церкви икону Рождества Пресвятыя Богородицы, древнего письма, в день празднования коей происходила закладка храма. Вслед за сим из часовни стала выходить с крестами и хоругвями процессия, направляясь через улицу к месту закладки. Впереди шли певчие л.-гв. Стрелкового Царскосельского полка, шефом коего состоял в Бозе почивший великий князь Сергей Александрович, и ожидавшее в часовне многочисленное столичное духовенство, затем шествовал, в преднесении креста, высокопреосвященнейший митрополит Владимир, имея на главе осеняемый рипидами ковчезец с св. мошамии Алексия, митрополита Московского и всея России Чудотворца, за владыкою митрополитом изволили следовать великая княгиня Елизавета Феодоровна, князь Иоанн Константинович и все приглашённые на торжество закладки...».

Невольно приходит в голову мысль, что Никола-Барградский храм, ставший украшением, хотя и ненадолго, нашего города – храм-мученик. И освящал его один из первых принявших крест мученический – митрополит Владимир (Богоявленский), а инициатором его возведения стала Великая Княгиня Елизавета Феодоровна, отдавшая жизнь за веру Христову, сброшенная мучителями-большевиками в алапаевскую шахту. Именно поэтому, память об этом чудесном храме, над которым столько трудились и который столько лелеяли и в котором почивало столько святых реликвий нашей церкви, перед которыми мог молиться каждый (о чём мы узнаем далее) мы должны сохранять как святыню сердца, сокрушаясь о его потере и изумляясь бесчувствию и невосприимчивости к красоте вандалов, поднявших на него руку. И можно представить, как полюбил этот храм о. Владимир Шамонин, хотя он достался ему уже отчасти ограбленным, в ходе «изъятия церковных ценностей» и как горько переживал батюшка его снос.

Освящен храм был 15 декабря 1915 года. Взорван 20 мая 1932 за два дня до престольного праздника.

В статье широко использованы материалы (с благодарностью к вебрайтерам) с портала «Россия и Христианский Восток» ros-vos.net

продолжение следует

В этой части нашей публикации мы коснёмся облика Николо-Барградского храма, так много значившего для жизни о. Владимира Шамонина, и его святых. Мы продолжаем так подробно рассказывать об этом храме не только ради памяти о батюшке, но и потому что мало кто (кроме возрождённого Императорского Православного Палестинского Общества) сейчас помнит об этом храме и интересуется им. Так как вопроса о восстановлении его даже никем никогда не ставилось. Но помнить о нём, как об одном из уникальнейших памятников зодчества и храме-музее необходимо, хотя бы ради восстановления справедливости – осуждения его сноса, ради памяти зодчих, попечителей, духовенства, среди которого был и герой нашего повествования и простых прихожан, любивших и ценивших этот замечательный Дом Божий.

Обликом храма восторгался известный православный писатель начала XX века Евгений Поселянин (1870-1931), расстрелянный советской властью и канонизированный как новомученик в РПЦЗ. Он описал храм и поделился своими чувствами от «встречи» с ним, наверное так, как не мог бы это сделать никто. И хочется, читая это описание, обливаться горячими слезами, ибо нам такая встреча не суждена никогда, ведь храм не простоял и семнадцати лет:

«В толчее столичной жизни, у бойкого рынка, на тесной площадке в скреещении нескольких улиц, поднялась неожиданно-негаданно высокая маленькая церковка.

Поднялась, забелела стенами, невиданною в Питере звонницею на одной из стен; свободно вознесла на высоком, легком поясе своего купола главу в виде ратного шлема, и стоит, строгая и радостная, скромная и торжественная.

Строители храма, киевские своим замыслом, с первых шагов властно схватывают вас и переставляют далеко, за несколько веков.

Отрешишься от ежедневной жизни и отдадимся в их власть. Необходима грань между божественным и человеческим, между житейскою суетою и священной задумчивостью храма...

Сени с колечатою узкатою лесенкою, полусвещенной, со своими расписанными стенами: какой прекрасный переход от жизни к религиозной мечте. Вошли в них – и уже забылся мир.

Откройте старые двери, какие были в те времена, и погрузитесь в древнюю Русь.

Любовью и мечтою о прошлом созданный храм охватывает вас.

Этот иконостас, с иконами, сплошь древними: какие чувства, какие тона!

Смотрите на лик Богородицы в «деисусе», в её скорбные и сильные очи, А эти краски, то праздничные, – «поющие, зывающие», то нежные, тихие... Эта светло-палева риза в крестах на Николае Чудотворце: хочется трогать руками, ласкать эту радостную материю.

Несколько лет назад известный наш археолог В.Т. Георгиевский сделал открытие, явившееся событием в истории русской археологии: прекрасно сохранившиеся фрески в глухом Ферапонтовом монастыре новгородской епархии, работы одного из лучших русских иконописцев, Дионисия (конец XV и начало XVI веков).

Светлая душа Дионисия выразилась в прозрачном голубом фоне его созданий, в особой радости его красок. Роспись стен нового храма представляет собою первую в России попытку художественного переложения древней иконописи.

Экзаме́н выдержан.

Художники Плотников и Щербаков вошли в свежую, цельную душу того времени и в наивных образах воплотили ясную религиозную мечту.

Виду сейдой древности этого псково-новгородского храма соответствует и великолепная отделка и утварь.

Эти басменные рамы и украшения всего иконостаса, глубокий киот для чтимой иконы Скоропослушницы, – копия киота, где в Успенском соборе в Москве стоит знамени-

Спасо-Парголовский протоиерей Владимир Шамонин (Материалы к жизнеописанию)

Часть 13 НИКОЛО-АЛЕКСАНДРОВСКИЙ БАР-ГРАДСКИЙ ХРАМ. ИСТОРИЯ И ОБЛИК. ЧАСТЬ 2

тая «Владимирская», Царские двери со столбиками, дивный серебряный семилампник перед Престолом, обрванной работы (чеканка), словно опрокинутые малые венцы, разные подлинны ковши, подсвечники, тарелки, аналойчики, древние пелены перед иконами, – все это шепчет ласково и умиленно: «Старая Русь вам кланяется!»

Посмотрели бы вы на выносные подсвечники невиданной четырехгранной формы, или на зеркальце для духовенства с рамою, крытою оловянным кружевом.

И ходишь-ходишь среди этой восставшей в тихом сеянии, трогательной и зовущей старины. Подмигивая по узкой лестнице на хоры и оттуда смотришь на игру празднующих красок. По ещё более узкой лесенке винтом сбежишь вниз в «Палату» для заседаний Попечительства. Любуешься подлинною печью светозеленых изразцов, стульями, ларцами... Сейчас войдет в высокой горлатной шапке старый спесивый боярин и заговорит...

Всякая мелочь тут обдумана, пролюблена, выношена в душе тем энтузиастом старой русской красоты, каким является князь А.А. Ширинский-Шихматов.

Это первый радостный крик здесь, в северной столице, старой Руси к бледной подражательности.

Русскому Богу – свеча в древнерусском светильнике.»

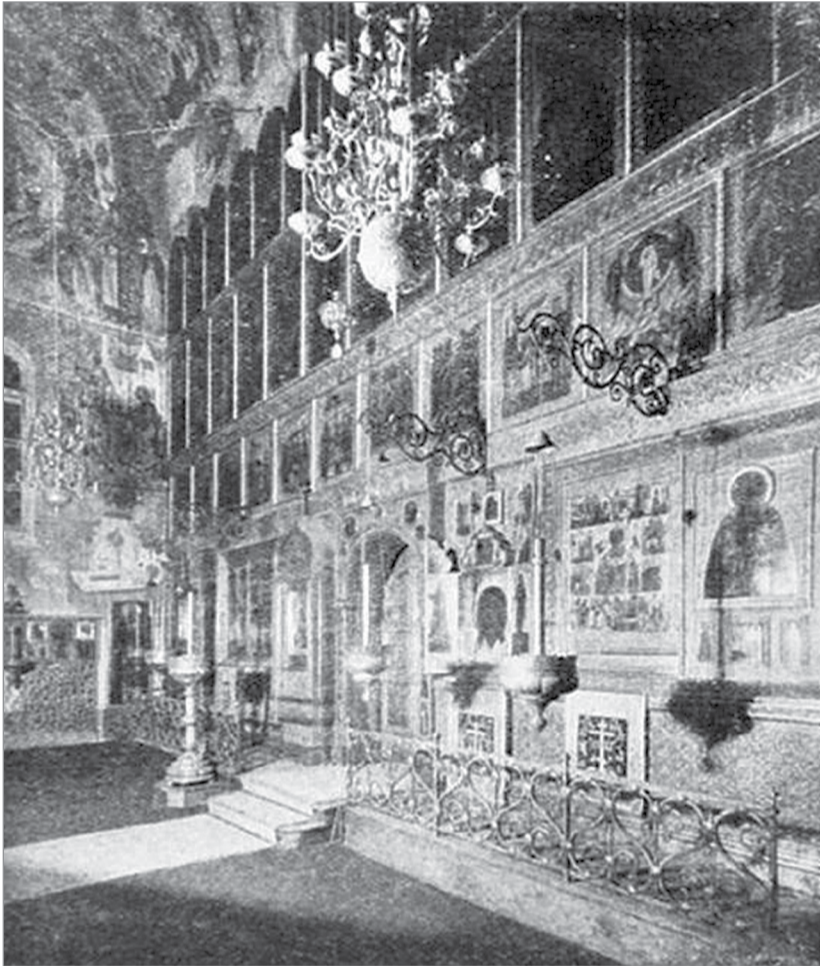
Нужно отметить, что иконы и утварь, которую упоминает в своём тексте писатель-новомученик, вплоть до «зеркальца для духовенства» и зелёных изразцов на печи, не

Николай Мирликийский с житием в складне старого стиля с цветными камнями на венце и цапе Новгородского письма начала XV в.; 5. Св. Александр Свирский, обложена басмой, Северное письмо, XVI в.; 6. Св. Александр Невский со св. кн. Борисом и св. кн. Глебом, в серебряной басме, Ярославского письма XVII в.; 7. Южная дверь: Св. архангел Гавриил, Московское письмо XVII в.; 8. «Деисус» поясный на одной доске Ярославского письма XVII в. (над южной дверью); 9. Успение Божией Матери Новгородского письма нач. XV в. редкой сохранности; 10. Божия Мать «Скоропослушница» греко-афонского письма, середины XIX в., в серебряной ризе с венцом, украшена цветными камнями (та самая чудотворная «Скоропослушница Невская», об истории которой мы уже рассказывали и которой будет посвящена следующая статья нашего цикла – О.К.); 11. Рождество Богородицы с 12-ю изображениями событий земной жизни Богородицы (Акафист), нач. XVI в., стиль Новгородский; 12. Свт. Николай Чудотворец и Св. цар. Александра, Новгородское письмо, XV в.; 13. Северная дверь: св. архангел Михаил Московского письма XVII в.; 14. Спаситель на престоле с предстоящими, Яросл. письмо, XVII в. (над северной дверью); 15. Покров Пресвятой Богородицы, Московское письмо, конец XVI в. **2 ярус (тябло)**: 16. Рождество Христово, Северное письмо, XVI в.; 17. Воскресение Лазаря, Новгородское письмо, конец XV в. (и далее, во втором ярусе все иконы, кроме особо отмеченных – «Новгородское письмо, конец XV в.»); 18. Омовение ног; 19. Иисус

старое Московское письмо, сильно реставрированная. **4-й ярус (тябло)**: 42. Пророк Аввакум, над ним – прав. Сарра, Северное письмо, XVII в. (далее все иконы из этого яруса, кроме пк. 49 той же атрибуции – О.К.); 43. Прор. Малахия, над ним – Иисус Навин; 44. Прор. Исаия, над ним – праотец Вениамин; 45. Прор. Иеремия, над ним – праотец Иафет; 46. Прор. Исайа, над ним – праотец Лот; 47. Прор. Моисей, над ним – праотец Енох; 48. Прор. Илия, над ним – праотец Авель; 49. Богоматерь, сидящая на троне и Господь Саваоф старого письма; 50. Прор. Гедеон, над ним – праотец Адам; 51. Прор. Захария, над ним – праотец Ева; 52. Прор. Иезекииль, над ним – праотец Иаков; 53. Прор. Иона, над ним – праотец Исаак; 54. Прор. Даниил, над ним – праотец Иосиф; 55. Прор. Микей, над ним – праотец Завулон; 56. Прор. Наум, над ним – праотец Исаак.

Полный список икон и композиций икон включает 140 пунктов, включая приведённый иконостас

В остальном пространстве храма также преобладали иконы XVII века по датировке того времени, когда составлялось описание храма, хотя среди них имели место и более древние, якобы XVI века: две иконы «Знамения» Божией Матери, одна с неизвестной мученицей, в рост, Северных писем, другая – в чисто новгородских традициях со св. Никитой Новгородским и св. Пафнутием Боровским. Была и отдельная икона св. Пафнутия Боровского, также Новгородского письма и той же древности. К самым древним иконам храма также относились образ

Иконостас Николо-Александровского Бар-градского храма. Фото 1910-х гг.

Св. Троицы у дуба мамврийского, правда, сильно записанный поздними сломи и икона Божией Матери «Грузинская» Северного письма. Среди других икон храма выделялись, например, Рождество Пресвятой Богородицы, московского письма XVII в., обложена басмой с цветными камнями. Этой иконой Великая Княгиня Елизавета Федоровна благоволила Николо-Александровское попечительство при закладке храма 8 октября 1913 г.

Были иконы редких для начала XX века сюжетов: Сошествие во ад, Москов. письма XVII в., в серебряном басменном окладе; «Низложи сильных со престолов», палеховского письма XIX века; Богоматерь «Неопалимая купина», московского письма XVII века, в старинной серебряной басме того же времени; Образ «Недреманное око», на полях изображения Святых письма XVII века; икона «София Премудрость Божия», с избранными святыми, ярославского письма XVII в., в басменном окладе и другие.

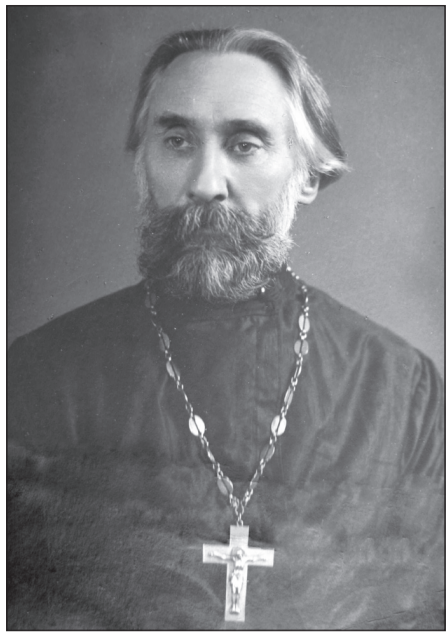
Были и иконы современные храму, но их было меньше древних, две из них содержали святых: По южной стене около иконостаса помещалась икона в рост преп. Серафима Саровского, с частицею его мантии и, непосредственно примыкая к северному концу нижнего тябла иконостаса,

находилась большая икона св. мученика патриарха московского Гермогена в рост, с частицей его мощей. В северо-восточном углу, перед иконостасом, против иконы Покрова Богородицы стоял Крест из масляного дерева, с частицею Животворящего Древа Господня, пожертвованный Иерусалимским патриархом Дамианом. После «изъятия церковных ценностей», большая часть утвари пропала бесследно, некоторые из икон после закрытия и сноса храма были переданы Русскому музею. Судьба уникальной коллекции икон в её целостности – неясна. Была ли она каталогизирована и атрибутирована в более позднее время, или её просто «разобрали» по составляющим, выкинув то, что ценным не посчитали – непонятно. Подобранная с громадной любовью для конкретного храма ныне большая её часть либо находится в музейных запасниках, либо утрачена навсегда. В любом случае в своей органической целостности церковь-утварь-иконостас-иконы уникальный Бар-градский храм, последним хранителем которого был о. Владимир Шамонин, утрачен для отечественной культуры навеки.

В публикации использованы: архивный документ ЦГИА СПб Ф. 897, Оп. 1, Д. 2, Лл. 33-38 об., проф. А.А. Дмитриевский «Краткое описание Барградского Николо-Александровского храма в Петрограде», Пг., 1918; материалы с сайтов ipro.ru и petragrad.spb.ru.

Олег Куликов

продолжение следует

Спасо-Парголово́вский протоиерей Владимир Шамонин (Материалы к жизнеописанию)

Часть 14 О. ВЛАДИМИР И БОЖИЯ МАТЕРЬ НЕВСКАЯ СКОРОПОСЛУШНИЦА

греко-афонского письма сер. XIX века в серебряной ризе, с венцом, украшена самоцветными камнями... 139. (из «Алтарь, диаконник и жертвенник» - О.К.) *Божия Матерь Скоропослушница современного письма, в серебряном окладе, с венцом, украшена камнями (заменяет подлинную икону во время выездов на молебны).* Об этом же свидетельствуют и воспоминания Зои Владимировны Шамониной об отце: «Когда икона Божией Матери в храме отсутствовала, временно вставляли копию, которую не все могли отличить от настоящей. Дети особенно любили смотреть, как это делается, и, войдя в храм, сразу разглядывали — чудотворная или копия?». Естественно, что в понятие «дети», Зоя Владимировна включала и себя...

Вот как описывались «выезды» иконы в этих воспоминаниях: «...икону носили и возили с извозчиком по домам, где также служились молебны.

На улицах часто можно было видеть проезжавшего извозчика со священником и псаломщиком, между которыми в специальном футляре стояла икона Божией Матери. Встретный народ становился на колени и кланялся.

Если к кому-то привозили икону и жильцы соседних квартир узнавали о том, то выходили на лестницу, во двор, выводили или выносили детей или больных. Часто мимоходом, по просьбе людей, икону заносили и в другие квартиры. А некоторые просто ходили по улицам на случай, если вдруг проедут с чудотворной иконой.»

Даже рама, в которой переносили икону — и та была драгоценной, принесённой в дар Божией Матери. Среди похищенных вещей в 1922 году значилась и она...

Каждую среду в храме перед иконой служился большой молебен с акафистом, од-

к отчёту за истекший 1928 г. «...молебны на дому с выносом чудотворной иконы Божией Матери до июня месяца практиковались, как и во всех храмах, а с июня месяца сего года такие молебны были прекращены, вследствие запрещения Столом Регистрации Обществ и Союзов выносить из храма какие-либо предметы, принадлежащие храму».

Этот же доклад свидетельствовал: «имеющаяся в нашем храме икона Владычицы нашей Царицы Небесной Скоропослушницы влечёт в наш храм верующих и приток добровольных пожертвований до сих пор не оскудевает...». Это утверждение не голословно. В 1920-е годы начались для церкви тяжёлые времена. Попав из тепличных условий императорской России во враждебную атмосферу, церковь стала стремительно «сжигаться». Все меньше становилось прихожан — многие теряли веру под давлением антирелигиозной пропаганды, а многие и вовсе в былые времена ходили в храм «по обязанности». Теперь эта необходимость для них отпала. И хотя самые тяжёлые времена были ещё впереди, второе десятилетие XX века повлекло и закрытия храмов, и появление священников, потерявших место служения, обречённых на нищенское существование. В эти годы на каждую освободившуюся вакансию священника, диакона, псаломщика, алтарника подавались десятки заявлений. Барградский храм, благодаря своей великой святине оставался богатейшим. Но в сложившихся условиях, приход чем мог помогал другим приходом и потерявшим место священнослужителям. В частности, в документах сохранились свидетельства об обратившихся за помощью в храм священнослужителях и членах их семей,

иконой представителям других храмов, монастырей и общин. Сохранилось дело, охватывающее период с конца 1926-го г. по конец 1930-го г., на основе которого можно составить список тех, кому Барградским приходом была оказана помощь таким способом. В этот период собирались средства для: Дивенской Тихвинской церкви; Тихвинской церкви Александро-Невской Лавры; церкви Св. царицы Александры на Лермонтовском пр.; прихода Святителя Николая в Ям-Ижоре; Церкви Покрова Пресвятой Богородицы и муч. Вонифатия на Боровой ул. (неоднократно); Воскресения Христова на Волковом кладбище; Александровской общины г. Слущка; Неоднократно и часто — Борисоглебскому храму на Синонской наб. (почему — требует отдельного пояснения и мы к нему ещё вернёмся); Пригородной Смоленской церкви; Тихвинскому храму в Лесном (неоднократно); Русско-Эстонской Исидоровской церкви (неоднократно); собору Феодоровской иконы Божией Матери (неоднократно); Богоявленской церкви на Гутуевском острове (неоднократно); Свято-Троицкой церкви Петергофского викариата (село Гора-Валдай); церкви Всех Святых за Нарвской Заставой; церкви преп. Серафима Саровского за Нарвский заставой; храму-памятнику морякам, погибшим в Русско-Японскую войну; Спасо-Преображенской церкви Фарфорового завода (неоднократно); церкви Святой Троицы за Нарвской заставой; Троицкому собору на Петроградской стороне; Кингисеппскому (Ямбургскому) собору; Бабигонской церкви св. мученицы царицы Александры; Спасо-Преображенскому собору; Преображенской церкви в Лесном; Церкви Воскресения Христова в с. Яблоницы; Зеленецкому монастырю (неоднократно); Киево-Печерской Лавре (неоднократно); церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы на ш. Революции; Воскресенскому Новодевичему монастырю; Сусаннской церкви во имя Казанской Иконы Божией Матери; церкви Михаила Архангела за Нарвской Заставой; Исаковской Скорбященской церкви; Клубутицкой Преображенской церкви; Серафимовской церкви в Старом Петергофе; Пятогорской Троицкой церкви.

Вся эта помощь не воспринималась как «помощь от Барградского храма». Она воспринималась как «помощь от Скоропослушницы». Простодушные искренние верующие относились к любимой святине, как к живой Божией Матери. И это видно по таким строкам воспоминаний Зои Владимировны Шамониной:

«Удивительно, но лик Божией Матери часто менялся, становился то печальнее, то радостнее, то бледнее, то розовее, то суровее, то ласковее. Это знали все. Приходилось слышать: «Сегодня Божия Матерь на нас сурово посмотрела»; или: «Матерь Божия улыбается нам». Во время Литургии, когда служил отец Владимир, лик сиял.

Кто пришел не к началу службы, сразу определял, взглянув на икону, кто служит — отец настоятель или нет...

...Но вот в начале 30-х гг. (1932 г. — О.К.) пришел приказ о закрытии Николо-Александровского храма. Лик Божией Матери потемнел и опечалился. Отец Владимир выхлопотал, чтобы чудотворную икону Божией Матери «Скоропослушница» не передавали в музей. Вскоре его перевели в храм Бориса и Глеба на Неве... Туда же переместили и икону из закрытого храма...». Так о. Владимир остался хранителем «Скоропослушницы». Их разлучили только арест и дальневосточное лагерное заключение батюшки...

Олег Куликов

продолжение следует

Став настоятелем Барградского храма о. Владимир Шамонин стал и главным хранителем одной из величайших, как она воспринималась тогда, в тяжёлые 20-е — 30-е гг., святинь Петрограда — иконы Скоропослушницы Невской. Эту часть нашего изложения мы посвятим бытию этой иконы в советское время в Николо-Александровском Барградском храме. О её истории, чудесном прославлении и начальном почитании мы рассказывали в 12-й части этой статьи.

Интересно, что икона для храма, несмотря на обилие в нём древних святинь-реликвий, была, практически, главным сокровищем. Храм зачастую даже называли в её честь «храмом Скоропослушницы» (что попадает даже в официальных документах), а не по названиям алтарей.

Об отношении к иконе и её важности для храма говорит, например, заключение «Докладной записки общему собранию верующих на годовом отчёте за 1926 год». Замечательно, что даже подобные документы, которые по требованию советского законодательства должны были быть представлены в официальные органы, несут в себе исповедание веры и звучат как ироничный вызов безбожной власти: «...Деятельность двадцатки в истекшем году как всегда была направлена в первую голову к удовлетворению духовных потребностей группы верующих, т.е. к благолепному и благоговейному совершению богослужений в храме, для сего содержался соответствующий причт и хор, и служащие; и во-вторых, большое внимание было обращено на достаточное отопление храма, а также и на освещение его. Таким образом, все необходимые нужды и потребности культа с Божией помощью при заступничестве Богоматери двадцатке удалось в истекшем году осуществить, надеемся, что Матерь Божия Наша Скоропослушница наставит нас и впредь Своєю помощью».

Как мы уже и писали, огромное народное почитание «даровало» иконе весьма богатый «наряд» — серебряный оклад, усыпанный самоцветами, перед иконой горела негасимая лампада, богатая и громадная. На эти сокровища посягала и власть (в ходе изъятия церковных ценностей) и воры. Известно, что при изъятии ценностей, богато украшенную икону, об этом мы тоже уже упоминали в 11-й части.

В первые годы советской власти обычай возить икону по домам на молебны и в другие храмы продолжался, о чём свидетельствует документ, составленный ещё при предшественнике по настоятельству о. Владимира Шамонина, священнике Викторе Семенове, о трагической судьбе которого мы уже рассказывали. Это Протокол №2 заседания Приходского Совета Барградского храма от 6/19 января 1922 г.: «Определённой платы за посещение с иконой Скоропослушницы частных квартир не устанавливается, а принимать добровольное пожертвование. Причём просить жертвователей собственноручно вписывать жертвуемую сумму...»

О посещениях с иконой Скоропослушницы церквей по приглашению с оставлением иконы на ночь: оставлять икону только на всенощные и раннюю обедню с обязательными условиями к 10 часам утра быть в своём храме. При этом посещение частных квартир не допускается. Церквам, приглашающим икону ставить в условие одну треть полученного ими дохода предоставлять в пользу Барградского храма, 50% оставлять в пользу причта храма».

В то время, когда иконы на своём месте не было, на её место выставляли копию, обычно находившуюся в алтаре. В списке икон, риз и утвари, который мы цитировали в части 13-й, обе иконы описаны так: «10. Божия Матерь Скоропослушница

Мозаичное изображение Невской Скоропослушницы над внутренней стороной Святых врат Александро-Невской Лавры

нако, малые молебны служились зачастую множество раз в день. Снова обратимся к воспоминаниям Зои Владимировны: «молебны перед иконой Божией Матери заказывались в течение всего дня. В дежурной комнате всегда находился священник, по звонку выходивший служить молебен. Молебны были, главным образом, просительные, об исцелении от болезней. Больные приносили, приводили и привозили. Служились и заочные молебны, если больные не могли приехать издалека. Поминальных записок собиралось такое множество, что прочитывать их полностью было невозможно: бельевые корзины, наполненные ими, только благословлялись служившим священником — крестом, рукой, Евангелием... Подходить и прикладываться к чудотворному образу Божией Матери позволялось в любое время (за исключением моментов из Литургии верных) — иначе все в течение дня и не успевали бы».

Икона считалась источником многих чудес и исцелений. В храме находился журнал, куда они записывались. У о. Владимира Шамонина сохранились выписки из этого журнала, которые процитировала в воспоминаниях его дочь: «1. Заброшенная больная женщина в своей квартире — общий рак с метастазами (грязь, зловоние; никто не выдерживал до конца молебна — рвало, падала в обморок). После молебна исцелилась. 2. Бесноватая девушка, голова которой в припадке повернулась прочь от иконы и в таком неестественном положении осталась, исцелилась вскоре после молебна. 3. Скрюченный мужчина, почти недвижимый, исцелившись, стал участвовать в пеших паломничествах к святням. 4. Парализованная портниха после своего исцеления от иконы перешла на шитье только церковных облачений. 5. Пьяница, пришедший со всей своей семьей в храм на усердную молитву о себе, совершенно перестал пить...»

Вскоре практика выездных молебнов повсеместно была пресечена властями. Процитируем доклад Президиума Двадцатки Николо-Александровского Барградского храма Общему Собранию верующих

и эту помощь получивших. Приведём некоторые имена из архивного дела храма (некоторые из упомянутых просителей получили помощь неоднократно, а иные — и регулярно):

Иеромонах Дамиан Воронов из Троице-Сергиевой пустыни (просьба о милостыне на семена 2 / 15 октября 1922 г. Благодарность за получение 300 миллионов рублей).

5 апреля 1925 г. прошение протоиерея Василия Фомина — получил единовременное пособие к Пасхе.

Свящ. Александр Ильинский, находившийся более 2 лет без места службы просил финансовой помощи «ежемесячной, или единовременной». Выдала 5 рублей (середина 1920-х гг.).

Июль 1926 г. прошения о денежной помощи о. Серафима Архангелова и о. Симона Солодовникова (бывшего протоиерея Исаакиевского собора).

Пасхой и Рождеством 1927 г. датируются просьбы о финансовой помощи вдовы протоиерея Казанского Собора Дмитрия Васильевича Рождественского Антонины Рождественской. Помощь она получила.

Заштатный архимандрит Геннадий неоднократно получал финансовую помощь с 1927 г.

1927 г. — прошение «Скорбященской на Стекланном церкви» протоиерея А. Орлова: «2 августа сего 1927 г. по распоряжению гражданской власти наша церковь и часовня переданы обновленцам. Я и остальные члены причта, не желавшие служить с обновленцами, остались без места. Моё положение, как человека много-семейного (семь малолетних детей) самое тяжёлое и даже ужасное...» — получил от храма финансовую помощь.

1927 г. — просьба о финансовой помощи священника Юлиана Казимировича Койятевича — удовлетворена.

Это — далеко не исчерпывающий список имён.

Кроме денежной помощи отдельным людям, существовал и иной способ — помощь храмам и приходом. Она заключалась в решении собирать пожертвования во время богослужений в храме и молебнов перед

Спасо-Парголово-Листок протоиерей Владимир Шамонин (Материалы к жизнеописанию)

Часть 16 **О. ВЛАДИМИР ШАМОНИН И ОБНОВЛЕНЧЕСТВО (Часть 2)**

В прошлом номере газеты мы подробно углубились в историю обновленчества в Русской церкви. Такой подробный разбор событий ним необходим как некая апология нашего героя. Сейчас «обновленчество» имеет однозначно отрицательную коннотацию. Но если мы погружаемся в реалии того времени достаточно глубоко, мы начинаем понимать, как трудно было сориентироваться тогда, в условиях сложнейшей исторической обстановки – пропаганды и дезинформации, цензуры и умалчивания, государственного террора и надзора с доносами. Сложнейшей для любого, даже простого верующего, не говоря о пастыре и настоятеле прихода...

После отказа о. Николая Соболева (хиротонисанного обновленческим епископом без принятия монашества) от управления епархией, о чём мы писали в прошлой части нашего материала, обновленческим главой епархии – владыкой Петроградским и Ладожским становится бывший викарный епископ Лужский Артемий (Ильинский), рукоположенный во епископы при Временном Правительстве. Перед этим «архиепископ» Николай Соболев отмежевался от «Живой церкви» Красницкого, таким образом, ПЕУ (Петроградское епархиальное управление), оставаясь обновленческим, перестало быть столь радикальным. При епископе Артемии делами обновленческой епархии фактически занимался священник Александр Боярский, среди всех обновленческих фигур первого ряда – самый привлекательный.

Находясь на территории Александрово-Невской Лавры, ПЕУ соседствовало с епископом Петергофским Николаем (Ярушевичем), который являлся и наместником Лавры, неформальным главой «Петроградской автокефалии» в хиротонии которого, в апреле 1922 г. участвовал и нынешний обновленец, глава епархии – еп. Артемий. Так продолжалось до тех пор, пока еп. Николай не был выслан в феврале 1923 г. в Усть-Кулом. После этого ПЕУ оказалось единственной структурой в Петрограде, претендующей на церковную власть. И перед многими городскими храмами вставал вопрос – принять того, кто есть, со вполне «приличным» рукоположением, или остаться вовсе без правящего архиерея.

22 марта 1923 г. датируется исходящий из ПЕУ документ за номером 362, адресованный «настоятелю Николо-Александровской церкви, на 2-й Рождественской улице, священнику Владимиру Шамонину», указывающий на то, что храм признаёт ПЕУ, то есть является, как и большинство петроградских храмов того времени – обновленческим.

Однако, предположение о возможно более раннем признании обновленческого руководства храмом, о чём мы писали выше, опровергает другой документ – просьба о финансовой помощи Петроградскому Богословскому Институту, подписанная и.о. ректора И. Щербовым. Этот институт, который был создан после закрытия новой властью Духовной Академии, должен был её заменить, став высшим учебным заведением при пастырских курсах, созданных взамен Семинарии. Ни Курсы, ни Богословский институт никогда к обновленцам, которые создали в Петрограде в 1924 г. свой «Высший Богословский институт, никакого отношения не имели». Документ датирован 31 декабря 1922 г.

О кратком периоде подчинения Бар-Градского прихода обновленческому Епархиальному Управлению свидетельствует и ещё один документ, адресованный «причту Николо-Барской на 2-й Рождественской церкви», датированный 20 апреля 1923 года (исходящий № 73) от «Благочинного 5-го столичного

го округа», за подписью «протоиерея П. Николаева» (?).

Вот текст этого документа: «На покрытие расходов по предстоящей поездке 6 делегатов от епархии на Всероссийский Церковный Собор, а равно и по содержанию их в Москве на время заседаний означенного собора требуются чрезвычайные денежные средства. Для сего, во имя постановления Епархиального Собора от 12 апреля сего года произведена раскладка на все церкви епархии, по каковой с Вашей церкви причитается 750 рублей дензнаками 1923 года. Благоволите означенную сумму с Вашей церкви представить мне в ПЕУ безотлагательно к 25 апреля с.г.»

К документу сделана приписка: «Ввиду состоявшегося 12 сего апреля, на Епархиальном Соборе единогласного избрания епископа Артемия на кафедру епископа Петроградского, предлагается Вам с сего числа производить за Богослужениями поминовение Преосвященного Артемия, епископа Петроградского и Лужского».

Речь в основной части документа идёт о «Втором Всероссийском Поместном Соборе», как называли его сами обновленцы, разумея под первым собором – Собор 1917-1918 гг. «Второй» собор стал одним из самых печальных и позорных эпизодов истории Русской Церкви. Собор проходил в Москве с 29 апреля по 9 мая с одобрения и при поддержке, фактически, организации богоборческих властей, до этого расправлявшихся и с верующими, и с иерархами и отлучённых от Церкви Патриархом (позже, под нажимом он снял свою анафему). Патриарх Тихон в это время был под очередным арестом (с 19 апреля по 27 июня) – властью обсуждалось – устраивать ли над ним публичный процесс, или нет, и, понятно, что если бы решение о процессе было положительным – исход его был бы однозначен...

...Едини делегаты собора были лишь в том, что признали совласть. Обновленцы внутри себя поделились на несколько спорящих между собой группировок. Почти 500 делегатов собора (476, если быть точными, из них – 66 епископов, только 17 из которых имели «до-обновленческую», или «внеобновленческую» хиротонию, среди которых был и правящий обновленческий епископ Петроградский Артемий) представляли «Живую Церковь» Красницкого, сибирскую «Живую Церковь» «митрополита»

Петра Блинова, больше склонявшуюся в сторону СОДАЦ, Союз Общин Древле-Апостольской Церкви Введенского и Боярского, очень небольшую группу «Возрождение», однако очень авторитетного и мощного как личность «митрополита» Антонина Грановского, позже абсолютно разругавшегося со всеми остальными обновленцами по разным вопросам, но в первую очередь, женатого епископата (но это было уже после собора – с конца октября 1923 г. группировка «Церковное Возрождение» Антонина до самой его кончины в 1927 г., и всего на год его пережив – до ареста «еп.» Василия (Лебедева) в 1928 – действовала независимо от остального обновленчества). Неизвестно, как на Соборе оказались 66 так называемых «умеренных тихоновцев», так как большинство сторонников Патриарха предпочло «собор» проигнорировать.

Собор открывался в Храме Христа Спасителя, а проходил в предоставленном властями «Третьем Доме Советов» – экспропрированном здании Московского Дворянского Собрания.

Главными решениями «Собора» были: поддержка советской власти, извержение из сана и лишение монашества Патриарха Тихона с осуждением патриаршества «как монархического и контрреволюционного способа управления церковью»: «отныне патриарх Тихон – мирянин Василий Белавин (этот пункт не подписали три епископа старого поставления, в том числе будущий патриарх Сергей, первые двое – собор «прогуляли», а третий – был на тот момент под арестом)», переход на Григорианский календарь, отлучение всех участников Собора в Сремских Карловцах (будущей РПЦЗ), признание женатого епископата, наряду с монашеством, одобрение закрытия большинства монастырей и превращения их в трудовые коммуны. Дискутировался вопрос о том, стоит ли поклоняться св. мощам, и не нужно ли их захоронить, однако, большинство собора, поддержанное яркой речью «митрополита» Антонина Грановского на это не согласилось...

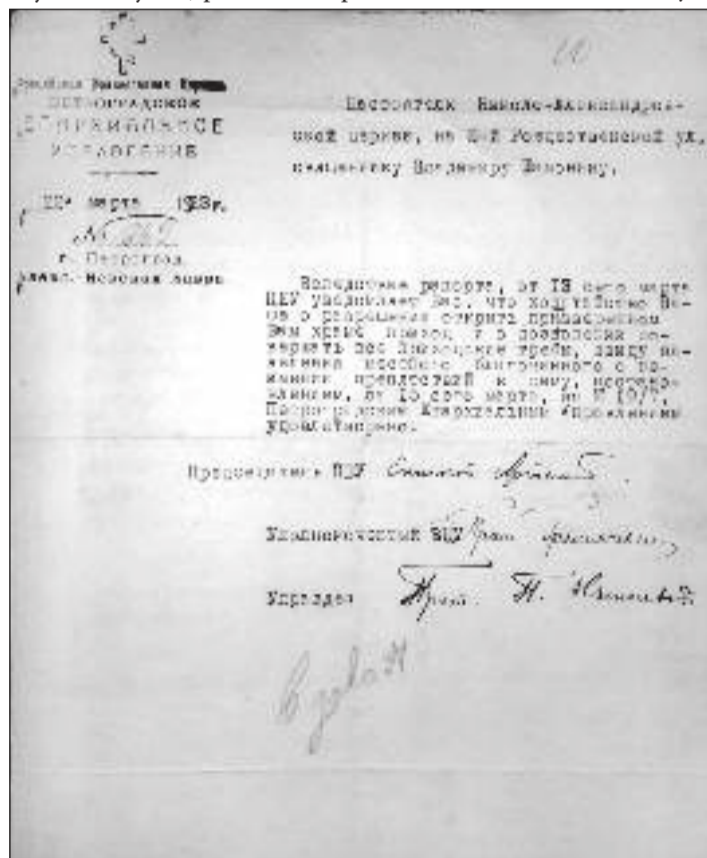
8 мая начальник 6-го отделения СО ГПУ и секретарь антирелигиозной комиссии при ЦК ВКП (б), один из самых известных гонителей церкви в Советской России Е.А. Тучков сопроводил в специально поданном «фордике» «делегацию собора» в составе архиепископа Виталия Тульского (Введенского,

однофамильца Александра Введенского), «митрополита Сибирского» Петра Блинова, архиепископа Леонида, архиепископа Петра Сергеева, протоиерея В. Никольского и других, всего 8 человек к находящемуся под арестом в Донском монастыре патриарху Тихону (перед этим его привезли из внутренней тюрьмы ГПУ на Лубянке). Протолкнувшись через толпу народа, дежурившего с передачами и просто желавшего поддержать святейшего в узах (именно эта поддержка, да ещё ультиматум лорда Керзона от того же 8 мая о преследованиях верующих и церквей и спасли ему жизнь – видя её, власть боялась народного бунта и международных санкций в случае расстрельного приговора) – делегация вошла к патриарху и Блинов подал бумагу со словами: «Василий Иванович, мы Вам принесли определение собора по вашему делу. Не угодно ли будет прочесть его?». Первосвятытель ничем не показав никаких чувств – сел к столу, надел очки, просмотрел и написал свой ответ: «Прочёл. Собор меня не вызывал, его компетенции не знаю и потому законным его решение принять не могу». Патриарх Тихон (Василий Белавин). 22 апреля / 4 мая 1923 года. Обновленцы требовали от Патриарха снять монашеские одежды (они привезли с собой брюки и пиджак), на что получили категорический отказ.

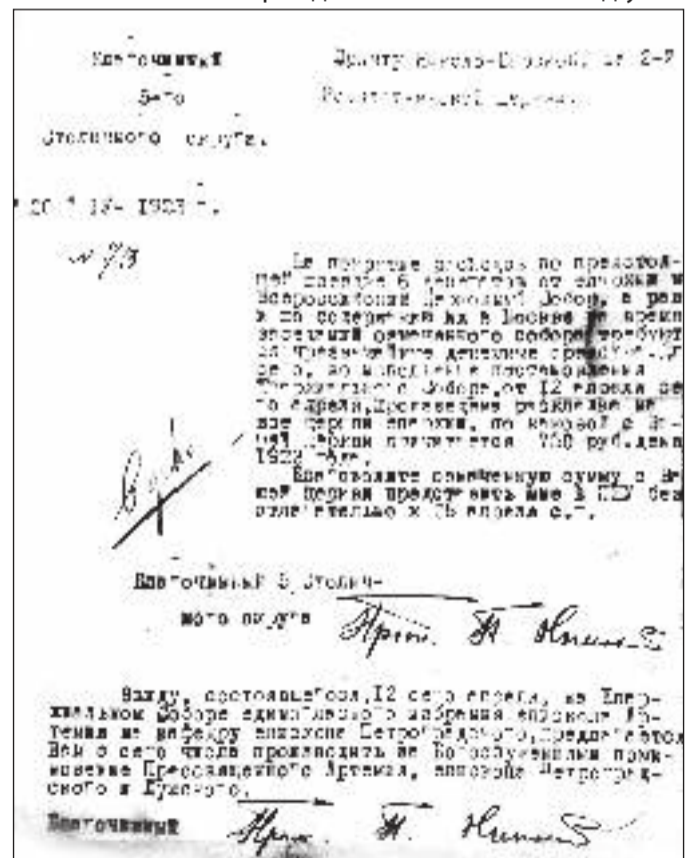
За все уступки на соборе (фактически организованном властями), обновленцы получили легализацию в Наркомате Юстиции: Высший Церковный Совет (ВЦС) обновленцев был признан советской властью официально (в отличие от структур Патриарха Тихона, существовавших до самой его кончины на полуправильных основаниях). Однако, как показали сводки ГПУ, собиравшего сведения о настроениях населения – большинством простых людей снятие сана с патриарха Тихона решительно осуждалось, и симпатии были на его стороне. И если к концу 1922 года больше двух третей храмов на контролируемой советской властью территории принадлежало различным обновленческим течениям (а само институционально-оформленное обновленчество существовало до конца 40-х годов, пока поддерживалось и признавалось властью), то собор произвёл эффект холодного душа. Обновленчество пошло на спад, показав своё истинное лицо. О крахе обновленчества в Петрограде и о возвращении Бар-Градского храма в лоно патриаршей церкви мы расскажем в следующем номере.

О. Куликов

продолжение следует

Документ с печатью обновленческого ПЕУ, о регистрации Бар-Градского прихода на имя о. Владимира Шамонина, за подписью «Председателя ПЕУ» епископа Артемия. (22 марта 1923 г.) (ЦГИА СПб, Ф. 897. Оп. 1. Д. 5. Л. 10)

Документ от Благочинного Причту «Николо-Барской церкви» о сборе средств на поездку депутатов епархии на «Всероссийский Церковный Собор» и о поминании епископа Артемия как правящего (ЦГИА СПб, Ф. 897. Оп. 1. Д. 5. Л. 11)

Спасо-Парголово-Листок

Спасо-Парголово-Листок протоиерей Владимир Шамонин (Материалы к жизнеописанию) Часть 17 О. ВЛАДИМИР ШАМОНИН И ОБНОВЛЕНЧЕСТВО (Часть 3)

Итак, обновленчество пошло на спад, показав своё истинное лицо на «Втором Поместном Соборе».

Однако, произошло это не сразу. Власть как могли препятствовали до Собора созданию структур Патриарха Тихона в епархиях. После освобождения из-под ареста 27 июня 1923 г. Святейший убеждает, что народ не признаёт решение обновленческого собора о его низложении, и обнаруживает громадную поддержку и безмерную народную преданность и популярность. Где бы не служил Первосвященитель – собираются громадные народные массы. Люди готовы были чуть ли не ноги целовать ему как исповеднику. К началу августа обновленческое движение в Москве потерпело значительное поражение, и, несомненно, что если бы не помощь власти – от него бы не осталось ни следа в кратчайшие сроки. 4 августа со стороны Первосвященителя и его Синода была произведена попытка выпустить «Послание Святейшего Патриарха Тихона о недействительности обновленческих священнодействий», возможно, содержавшее отлучение обновленцам, однако, уже отпечатанное в одной из типографий Главлита, послание было полностью изъято сотрудниками ОГПУ. Ныне историки не могут найти даже его текста.

В это же время была произведена попытка назначить в Петроград патриаршего архиерея (до этого, 23 июля к Патриарху попыталась попасть на приём делегация обновленческого и «беспартийного» духовенства Петрограда с известным деятелем петроградского обновленчества о. Боярским во главе. Ей было отказано, со словами: «Патриарх проит извинить за огорчение, но ничего общего он с Живою церковью не имеет, и поэтому вынужден отказать себе в удовольствии видеть её лидеров»). Им стал титулярный епископ Алатырский Гурий (Степанов, р. 1880 г., расстрелян в 1937 г.), находившийся в заключении и освобождённый из Таганской тюрьмы 22 марта 1922 г., проживавший в Москве без права выезда и управлявший Покровским монастырём. Он был назначен на временное управление Петроградской и Псковской епархиями 3 августа, но прибыв к месту, тут же, во Пскове был арестован на 4 месяца.

В Петрограде к этому времени оставалось только от пяти до десяти (по данным разных источников) из 123-х храмов, не признававших обновленческих ВЦС и ПЕУ. Среди них был один большой – Спасо-Преображенский Собор на Литейном, Никифоровское подворье, Мало-Охтенская церковь, домовая церковь при убежище для престарелых артистов на Петровском острове и Спаская домовая церковь бывшего общества трезвости, настоятелем которой был молодой иеромонах Мануил (Лемешевский).

Он-то и был вызван в Москву, 21 сентября возведён в сан архимандрита в Даниловом монастыре (т. е. он был

поддержан «даниловцами» – самой непримиримой к советской власти и обновленцам группировке внутри Патриаршей ветви церкви), 22 сентября – наречён в епископа Ладожского, а 23-го – хиротонисан лично Патриархом в храме Дмитрия Солунского на Благуше с назначением временно управляющим Петроградской епархией. При этом первосвященитель сказал: «Посылаю тебя

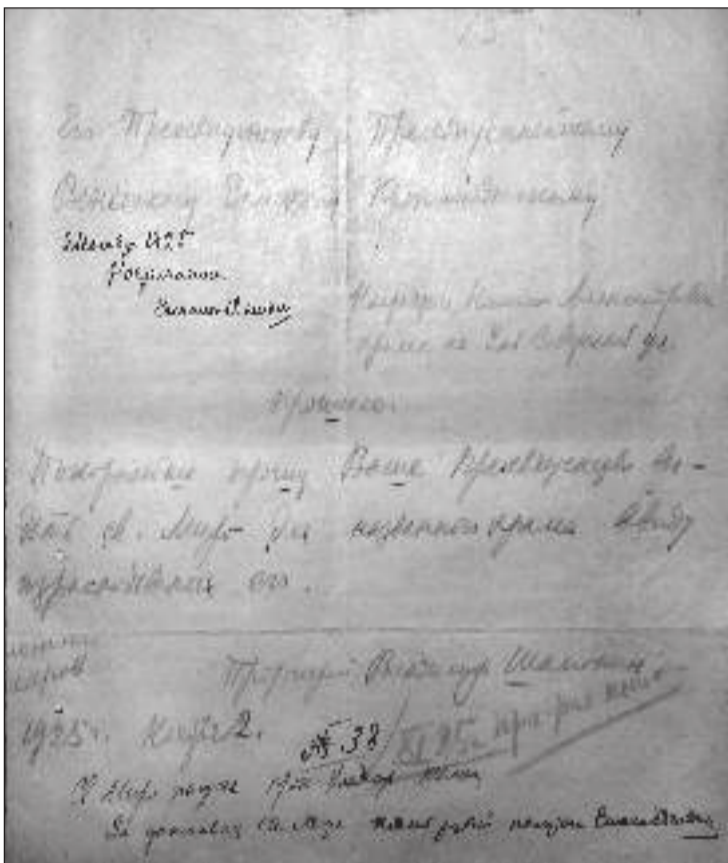
в ведении ВЦУ Духовенство Знаменской Входуиерусалимской церкви (против вокзала), которая также официально не признавала Патриарха, вышло в полном составе навстречу новому епископу.

Прямо с вокзала епископ направился в Троице-Сергиево подворье на Фонтанке (так называемое Воронцово подворье), в котором он жил на протяжении трех месяцев своей деятельности в Петрограде. Первую свою всенощную епископ Мануил совершает в храме Космы и Дамиана (там, где ныне станция метрополитена «Чернышевская»), который был в юрисдикции обновленческого Синода. Словом, в первый день своего пребывания в Питере епископ Мануил вел себя так, как будто бы никаких обновленцев здесь не было.

Для постороннего наблюдателя пассивность обновленцев в городе, который считался их цитаделью, является совершенно непонятной. Разгадка заключается в том взрыве народного энтузиазма, который в первые дни смел обновленцев. Толпы народа встречали епископа с восторгом, мало сказать – с восторгом, – с обожанием, с кликами радости, со слезами. Ни один митрополит, ни один архиерей (с самого основания города) не видел такого восторженного преклонения. До епископа Мануила

Епископ Мануил (Лемешевский, 1884-1968, умер митрополитом, последняя кафедра: Куйбышевская и Сызранская). Фото из следственного дела 1924 г.

Документ очень плохого качества и сохранности, свидетельствующий о непростом положении церкви в середине 20-х годов. Написан на, фактически, обёрточной бумаге карандашом. Текст документа (карандашом): «Его Преосвященству Преосвященнейшему Венедикту, епископу Кронштадтскому

Настоятеля Николо-Александровского храма на 2-ой Советской ул. Прошение. Покорнейше прошу Ваше Преосвященство выдать св. Миро для названного храма ввиду израсходования его. Протоиерей Владимир Шамонин 1925 г. Ноября 2
Резолюция (пером): 2 Ноября 1925 Разрешается (подпись:) Епископ Венедикт. Приписки (пером, внизу): №38 (дописано карандашом: «XI 25 г. Приходно-расходная книга»). Св. Миро получил (подпись:) Протоиерей Владимир Шамонин

За доставку Св. Мира пять рублей получил (подпись:) Епископ Венедикт.» Документ доказывает, что храм в конце 1925 года относится к патриаршей ветви церкви, и уже не был обновленческим. Публикуется впервые

на страдания, ибо кресты и скорби ждут тебя на новом поприще твоего служения, но мужайся, и верни мне епархию».

Антиобновленческое движение в Петрограде началось ещё до прибытия туда епископа Мануила, с вестью об освобождении Патриарха. Но с 29 сентября, прямо от Московского вокзала, начался триумф патриаршей церкви. Вот как пишут об этом авторы одной из самых известных книг о истории обновленческого движения «Очерки русской церковной смуты» А. Левитин и В. Шавров:

«О. Мануил прибыл в Петроград в субботу 29 сентября 1923 года, рано утром. Уже самое его прибытие потрясло весь церковный Питер – совершенно неожиданно для обновленцев трезвон со всех прилегающих к вокзалу церквей, которые официально числились

только один человек пользовался таким почитанием среди верующих – о. Иоанн Кронштадтский.

4 октября 1923 года было разослано по петроградским храмам воззвание епископа Мануила с призывом присоединиться к Патриарху Тихону, который назывался истинным первосвященителем. Однако еще до этого воззвания начался массовый переход на сторону патриарха.

Октябрь 1923 года вошел в историю раскола как месяц петроградского разгрома. В этот месяц около трёх четвертей петроградских приходов присоединилось к Патриарху. В области дело обстоит еще хуже для обновленцев. Здесь можно говорить о почти стопроцентном переходе сельских храмов к патриарху.

Епископ Мануил проявил в эти месяцы совершенно незаурядную энергию. В первые же дни его пребывания в Петрограде им был написан особый «чин» покаяния обновленческих священнослужителей, утвержденный Патриархом...»

К 29 сентября 1923 года, моменту возвращения Мануила в Петроград епископом, здесь было уже 93 священнослужителя, не признававших обновленческий ВЦС (движение присоединения к Патриарху началось чуть раньше, с его освобождением из-под ареста), а через две недели, к 15 октября, таких священников было уже 191 человек.

27 октября вернулась в лоно патриаршей церкви через покаяние Александроневская Лавра (там не признавали обновленчества, но не поминали за богослужением и Святейшего Тихона)

За 144 дня пребывания епископа Мануила на кафедре Северной Столицы из 115 обновленческих храмов 83 прихода перешли в ведение Патриарха.

В октябре начал вести переговоры о покаянии и возвращении в патриаршую церковь обновленческий архиепископ Артемий (Ильинский). Узнав об этом, на него стали давить коллеги-обновленцы, и, видимо, ОГПУ, – и он, было, от своего покаяния отказался, за что получил сан митрополита, но в декабре – принёс, причём, как епископ старого поставления, был принят в сущем сане – епископа. В качестве кающегося, он должен был отправиться сначала в Макарьевскую пустынь, под Любань, затем в Лугу, без права служить, но с правом причащаться. Интересна его дальнейшая судьба. Уже при митрополите Сергии (Страгородском) он стал с 19 мая 1928 г – еп. Олонецким, с 3 апреля 1930 г. – еп. Тобольским. С 7 января 1937 г. – архиепископ. Арестован в апреле в Тобольске. 23 августа 1937 г. – осуждён Тройкой и 30 августа принял мученическую кончину за Христа – расстрел.

Власти поняли, что епископа Мануила необходимо нейтрализовать, пока не поздно, иначе обновленчеству в Северной Столице придёт конец. 3 февраля 1924 г. епископ Мануил был арестован, позже – отправлен на Соловки. Начались репрессии среди тихоновского духовенства Петрограда. И хотя обновленчеству был нанесён сокрушительный удар, оно будет существовать в нашем городе до 1944 года, до публичного покаяния последнего обновленческого епископа Ленинградского Сергия Румянцева (1903–1977, умер известным Ленинградским протоиереем, был настоятелем Спасо-Преображенского собора, секретарём митрополита), исчезнув окончательно, когда власти сочли, что оно больше не нужно. До самого конца, до закрытия, крупнейшие храмы города – Казанский (1932) и Исаакиевский (1928) соборы – оставались обновленческими.

Перед самым арестом епископа Мануила властями был отпущен на свободу епископ Кронштадтский Венедикт (Плотников, р. в 1872, расстрелян в 1937), приговорённый к расстрелу по делу о сопротивлении изъятию церковных ценностей вместе с митрополитом Вениамином, но с заменой на пятилетний срок заключения. Он стал преемником Мануила на посту временно управляющего епархией. Был так же непримирим с обновленцами и боролся с этим движением. Управлял епархией с февраля 1924 г до своего очередного ареста 18 декабря 1925 г.

Мы не знаем, когда точно Барградский приход во главе с о. Владимиром Шамонинным вернулся в патриаршую церковь. Вполне возможно, что это было ещё при епископе Мануиле. Но в архиве имеется прошение о выдаче мира храму по причине израсходования его на имя «Его Преосвященства Преосвященнейшего Венедикта, епископа Кронштадтского» от 2 ноября 1925 г., доказывающее, что на этот момент храм вернулся в лоно «тихоновской церкви».

О. Куликов

продолжение следует

Итак, мы продолжаем жизнеописание о. Владимира Шамонина. Раздел о времени его служения настоятелем Бар-Градского храма оказался у нас самым громадным. Таким же он останется и до конца нашего цикла (если нам удастся окончить его публикацию). Это связано с тем, что во-первых, «богата» оказалась история храма (несмотря на её непродолжительность), во-вторых, сам он являлся уникальным артефактом русской культуры своего времени, артефактом утраченным, и потому необходимо было затронуть его историю со всей возможной подробностью, ну, и в-третьих, интересна история и бытование одной из самых известных святынь нашего города в 20-х годах XX века – чудотворной иконы «Скоропослушница Невская», о которой мы также со всей возможной степенью подробности рассказали в нашей публикации. Необходимо было коснуться и взаимоотношений о. Владимира и прихода с обновленческим движением в Российской церкви – без этого история жизни о. Владимира была бы неполной и необъективной.

Все последние годы существования храма с избрания на пост настоятелем 9 июля 1922 г. до его закрытия – 7 марта 1932 г. о. Владимир был его хранителем и хранителем святой иконы в храме находящейся. Продолжая рассказ об этом периоде служения батюшки, мы коснёмся тех подробностей жизни прихода, о которых не рассказали в предыдущих частях и биографий тех, с кем сослужил батюшка в храме.

Протоиерей Алексей Верзин
(1895-1975)
Фото конца 1960-х гг.

Спасо-Парголовский протоиерей Владимир Шамонин (Материалы к жизнеописанию)

Часть 18 О. ВЛАДИМИР ШАМОНИН И СОСЛУЖИВЦЫ. ПРИЧТ БАР-ГРАДСКОГО ХРАМА

Об избрании о. Владимира Шамонина настоятелем мы уже писали. До этого момента с приходом он, скорее всего, не был никак связан, а настоятелем был умерший в тюрьме от тифа о. Виктор Петрович Семёнов (1865-1922), о нём мы уже писали в части 11-ой.

На момент прихода в храм, там по штатному расписанию служило три священника (считая настоятеля) и два диакона. Это были иеромонахи Гавриил (Думяни) и Дамиан (Воронов), иеродиакон Митрофан (Прокопшин-Гулько) и диакон Василий Манторов (служил в храме до середины 1923 г., был переведён на другой приход после конфликта с о. Гавриилом).

Иеромонах Гавриил (Думяни) был сириец по рождению. Одной из обязанностей его на Бар-Градском приходе была «организация дела помощи бедным, тарелочный сбор в праздничные и воскресные дни». В 1925 году он выехал в отпуск в Сирию и не смог вернуться – в начале 1926 г. он писал прошение на имя о. Владимира, как настоятеля о продлении отпуска, отпуск ему был продлён. Однако уже к 20 января того же года в храм пришло его заявление о снятии с него священнических обязанностей на приходе – он решил остаться на исторической родине (или же ему воспрепятствовала вернуться власть, отказывая в разрешении на въезд). Гавриил (Думяни, 1891-1966), выпускник СПбДА 1918 г. по первому разряду (последний выпуск) умер митрополитом Латакийским (Антиохийская Православная Церковь).

Про иеромонаха Дамиана (Воронова), выяснить пока ничего не удалось. Однако, при о. Владимире служил он совсем недолго. На конец февраля 1923 г. на его месте уже числится молодой священник Алексей Иоаннович Верзин (1895-1975). Сын священника Иоанна Верзина (1855-1928, на его похороны на Никольском кладбище Лавры помощь выделил Бар-Градский приход, о чём в архиве сохранился соответствующий документ), он был рукоположен во священник сан уже после революции, в 1921 г. В Бар-Градском храме служил до самого его закрытия, затем вместе с о. Владимиром перешёл в Борисоглебскую церковь. Арестован в том же 1933 г., что и о. Владимир, но по другому делу. Приговорён к ссылке в Казахстан на три года. И дальше судьба о. Алексея была очень схожа с судьбой о. Владимира. Чудом он пережил Большой Террор 1937-1938 гг. Так же на волне послевоенной «церковной оттепели»

о. Алексей вернулся к священническому служению в 1946 г. Служил настоятелем в соборе Рождества Богородицы в Новой Ладоге, затем в 1960-е годы был настоятелем церкви св. Иова Праведного на Волковском кладбище и церкви на Серафимовском кладбище. Последнее место его служения – Свято-Троицкая церковь во Всеволожске. В 1958 г. был полностью реабилитирован.

В воспоминаниях об о. Владимире, основанных на его рассказе, дочь Зоя Владимировна Шамонина пишет: «Прежний священник, служивший один в этом храме, когда он был домовым, теперь оказался на втором месте. Он возненавидел отца Владимира, несмотря на его особенно доброе отношение к себе, и всячески старался опозорить его клеветами, ложными доносами. Вспоминается мне такой давний случай: Прощеное воскресенье; отец Владимир тяжело болен; матушка Варвара пошла в храм сообщить,

что он умирает; священник потрясен, кается перед матушкой и всем народом.»

Однако, история о «единственном священнике домового храма, обиженного на то, что он оказался на втором месте» не подтверждается. Как мы видим по архивным данным, никакого подобного священника не было, предыдущий настоятель мученически закончил жизнь в тюрьме, обвиняемый по одному делу со сщмч. митрополитом Вениамином и храм был не «домовым», а относился к категории храмов религиозно-просветительских обществ. У него был всегда не маленький, по сравнению с другими храмами такого размера, причт, а в нижней, полуподвальной части храма, наряду с «палатой попечительства», оформленной, как и храм, в великопном древнерусском стиле, о чём мы уже

упоминали, находилось несколько келий для иеромонахов. Но дело тут не в какой-то злонамеренности в искажении фактов Зоей Владимировной Шамониной, а скорее в изменчивости памяти, ведь по стилю текста видно, что автор не сразу записывала слова отца, а припомнила их, да и о. Владимир был уже в преклонных годах, вспоминая прошедшее 30 лет назад. Отсюда – искажения. Однако, конфликты были, и они ложились на плечи настоятеля и он их мудро «разруливал», хотя они и доставляли много переживаний.

В документах прослеживается история двух конфликтов, один из которых мы уже упоминали – это конфликт между диаконом Василием Манторовым и о. Гавриилом (Думяни), а второй – связан со священником Леонидом Пантелеимовичем (Пантелеевичем) Гуричем, выпускником Таврической Духовной Семинарии (1913) и СПбДА (1917). Известно одно его место

служения – домовая церковь в доме графа Шереметева на Шпалерной ул., д. 18 (с 1914 по 1917 гг.). Возможно, именно поэтому Зоя Владимировна и вспомнила в связи с этим о «домовом храме». Не исключено, что о. Гурич до этого некоторое время служил (при предшественнике о. Владимира, между 1917 и 1922 гг.) в Бар-Градском храме. Сразу же после того, как стало ясно, что о. Гавриилу (Думяни) не удастся вернуться в Советскую Россию, он пишет прошение «о принятии обратно в причт храма с просьбой о прощении» (13 января 1926 г.). 20 января на приходском собрании решено «временно исполнения обязанностей священнослужителя

поручить свящ. Л. Гуричу», но «об окончательном замещении вакансии священника иметь суждение впоследствии». При этом отклонили несколько заявлений священников. Их, оставшихся без места в Ленинграде, было очень много.

Суть конфликта была в том, что о. Леонид страдал обычным русским недугом – винопитием...

В этот период – после триумфальной победы над обновленчеством, которая была бы окончательной, если бы раскол в церкви не был выгоден богоборческой власти – ею поддерживалась неразбериха в церковном управлении – было непонятно, кто в епархии может претендовать на епископскую над ней власть. Государство регистрировало 20-ки, с ними заключало договора на эксплуатацию храмов и им «поручала найм» священников. Епископат никак офи-

циально не оформлялся. В городе находились несколько епископов, ни один из которых не проявлял активность правящего архиерея. Это были архиепископ Хутынский Алексей (Симанский, будущий патриарх), епископ Петергофский Николай (Ярушевич), епископ Григорий Шлиссельбургский (Лебедев), который с марта по май 1926 г. находился в заключении, и епископ Кингисеппский (Ямбургский) Гавриил (Воеводин). Двое последних будут расстреляны во время Большого террора 1937–1938 гг.

О Леонид мог появляться на службе в нетрезвом состоянии, и как пишет в своем письме на имя старосты находившийся в отпуске о. Владимир «два месяца и о. Леонид лечился и крепился, и духовенство во всякое время заменяло слабейшего; я лично не выезжал за город даже на день; и подобных случаев не могло быть много».

Но на молебне в день св. Ольги того же, 1926 г., когда настоятель отлучился с чудотворной иконой на тресбный молебен в соседний с храмом дом, случился какой-то очень большой скандал (подробности не сохранились, сохранилось только упоминание о нём). После этого о. Леонид был лишён о. Владимиром права служения на неделю, а вместо него возможность служить дали одному из претендентов на священническую вакансию – о. Симеону Солодовникову (выхлопотав на него временную регистрацию). В документах упоминается о том, что о. Леонид неоднократно каялся в своём недуге и просил прощения. Память об этом также отразилась в записях Зои Владимировны Шамониной.

Поэтому, как пишет дальше о. Владимир, «после самоотверженных усилий со стороны духовенства и Совета, после добровольного лечения, остаётся последняя надежда – месячное лечение в принудительном порядке, в лечебнице доктора Срезневского. Среди церковного совета есть люди подвижнической любви и веры». (Вячеслав Вячеславович Срезневский (1880-1942) – известный в 20-х – 30-х гг. ленинградский психиатр, профессор Военно-Медицинской Академии, сын и внук известных русских филологов дворянского происхождения, в начале XX века член прославленного парголовского лыжного клуба «Полярная звезда», умер от голода во время Ленинградской блокады).

Однако, у о. Леонида нашлись защитники, видимо, любившие и жалевшие его, которые написали жалобу на действия о. Владимира еп. Алексею, при том, что еп. Николай находился на стороне настоятеля. Перед этим сам епископ Алексей предлагал приходскому совету Бар-Градского храма на священническую вакансию, которую о. Гурич занимал временно, утвердить о. Симеона Солодовникова, однако совет это предложение епископа отклонил 16 голосами против одного (наверное, старосты Ивана Михайловича). Видимо, боясь властей, которым было выгодно, чтобы духовенство отходило в любых решениях на второй план,

еп. Алексей занял сторону совета против о. Владимира. Староста (он же в 1926 г. председатель Приходского Совета, Иван Михайлович Косилов) занимал сторону о. Владимира. В результате после визита

Епископ Гавриил (Воеводин, 1869-1937) С 1924 по 1927 гг. - викарный епископ Ямбургский (Кингисеппский), с середины 1926 до Пасхи 1927 гг. был управляющим Ленинградской епархией (назначен митр. Иосифом Петровых) В заключении с 1932 по 1937 гг. Освобождён, затем снова арестован. Расстрелян в конце 1937-начале 1938 гг.

к еп. Алексею Ивана Михайловича и о. Владимира и он согласился, что оставлять о. Леонида на должности священника нельзя.

22 сентября на очередном заседании Приходского Совета о. Леонида от должности отстранили, оставив его на должности певчего. А на штатную должность священнослужителя утвердили о. Семена Солодовникова. Такое решение о примирении подхлестнуло важное событие – в великой радости во всей епархии ожидалось вступление на кафедру новоназначенного митрополита Иосифа (Петровых), которое должно было положить конец всем проблемам с церковной властью в Ленинграде. Он и должен был утвердить назначение о. Симеона. Но надеждам не суждено было сбыться, как помнят все мало-мальски знакомые с церковной историей нашей епархии. Так что утверждал на должности о. Симеона управляющий епархией викарный епископ Кингисеппский Гавриил.

22 октября о. Леонид Гурич был снят с регистрации как священник, и был зарегистрирован о. Симеон Солодовников. 23 ноября 1926 о. Гурич просит отпуск на лечение «в виду сильно расстроенного моего душевного и физического состояния». Видимо, лечение прошло успешно и зла о. Леонид ни на кого не держал, полагая во всём виноватым себя самого (о прощении пишет и Зоя Шамонина). В документах прослеживается то, что он был певчим до 1928 года, как минимум. С апреля 1928 года о. Леонид исполнял обязанности смертельно заболевшего многолетнего псаломщика храма Михея Евдокимовича Булинова (умер 3 октября 1928 г.), при этом, согласно документам,

«был аккуратен, и в порядке». В том же году в документах встречается его подпись в качестве Председателя Двдцатки храма. Можно сказать, что настоятельская мудрость о. Владимира в этом деле оправдала себя. В церкви было сохранено благолепие богослужений, присутствующее хранимой в храме величайшей городской святыне, она ограждалась от скандалов, но вместе с тем и о. Леонид не был брошен на произвол судьбы, не изгнан из прихода и в то тяжелое время не остался без работы. Дальнейшая судьба о. Леонида Гурича (после 1928 г.) пока неизвестна.

О. Симеон Павлович Солодовников (1883-1939) происходил из Тверской губернии. Закончил Тверскую Духовную Семинарию и СПбДА (1908). После окончания обучения служил в Санкт-Петербурге. Принял священнический сан в 1912 г. Был законоучителем у православных учащихся инославных учебных заведений: Коммерческого училища при лютеранской кирхе св. Марии и реального училища при Реформатской церкви. Был арестован и выслан в Харьков в 1930 г. Сумел эмигрировать. Служил настоятелем в Гренобле (Воскресенская церковь), помощником настоятеля в Париже (Знаменская церковь), с 1931 по 1935 гг. был настоятелем Воскресенской церкви в Медоне. В 1935-1936 гг. служил в Лондоне, с 1936 по 1939 гг. – в различных православных приходах Берлина.

Могила протоиерея Симеона Солодовникова (1883-1939) на берлинском кладбище Тегель. Фото с сайта pogost-tegel.info

Руководил русским хором. Являлся членом Епархиального Совета Германской Епархии. Похоронен в Берлине на православном кладбище Тегель (информация с сайта <https://pogost-tegel.info>).

К марту 1928 г. в храме служил протоиерей Василий Дмитриевич Фомин (1874-1938), уроженец Тамбова, про которого известно, что на 1937 г. он был в сане протоиерея настоятелем Симеоновской церк-

В ходе работы над нашей публикацией появляются новые находки. На данной фотографии – обложка книги стихов о. Владимира Шамонина, изданной после начала Первой Мировой (Второй Отечественной) войны. То, что о. Владимир писал стихи – давно известно, некоторые мы помещали в данной публикации, её начальных выпусках (Будем мы к ним обращаться и далее). Но то, что батюшка публиковался – стало для нас новостью.

ви. Арестован в декабре 1937 г. Расстрелян в январе 1938 г.

Про иеродиакона Митрофана (Прокопшина-Гулько) также пока выяснить ничего не удалось.

...Выше в тексте мы цитировали письмо о. Владимира, находящегося на тот момент в отпуске, церковному старосте Ивану Михайловичу Булинову. Это чудом сохранившееся в архивном деле письмо – настоящая жемчужина, так как в этих папках хранятся, в основном официальные документы – достаточно сухие, для того, чтобы быть интересными неспециалистам, в которых приходится «выуживать» «человеческую» информацию между строк. Письмо же хранит живую интонацию и характер автора... Интересно, что в обратном адресе этого письма значится: «Ленинградская губ. Почтовая Шум, дер. Шум Наталье Михайловне Герасовой (передать Шамонину)». Из предыдущих частей нашей истории Вы помните, что о. Владимир служил на приходе в селе Шум (Сари, ст. Войбокало) с 1908 по 1914 год. Это письмо свидетельствует, что, несмотря, в общем-то на краткий срок его служения в деревне (6 лет) связь тамошних прихожан со своим бывшим духовником не прерывалась, и они охотно приглашали его пожить у них, хотя с отъезда прошёл больший срок, чем время настоятельства там (напоминаем, что письмо написано летом, или в начале осени 1926 г.), надо думать, что и в самые голодные годы «Петроградской блокады» (1919-1920) шла к о. Владимиру оттуда «продовольственная помощь», которая дала возможность семье выжить без утрат...

Олег Куликов

продолжение следует